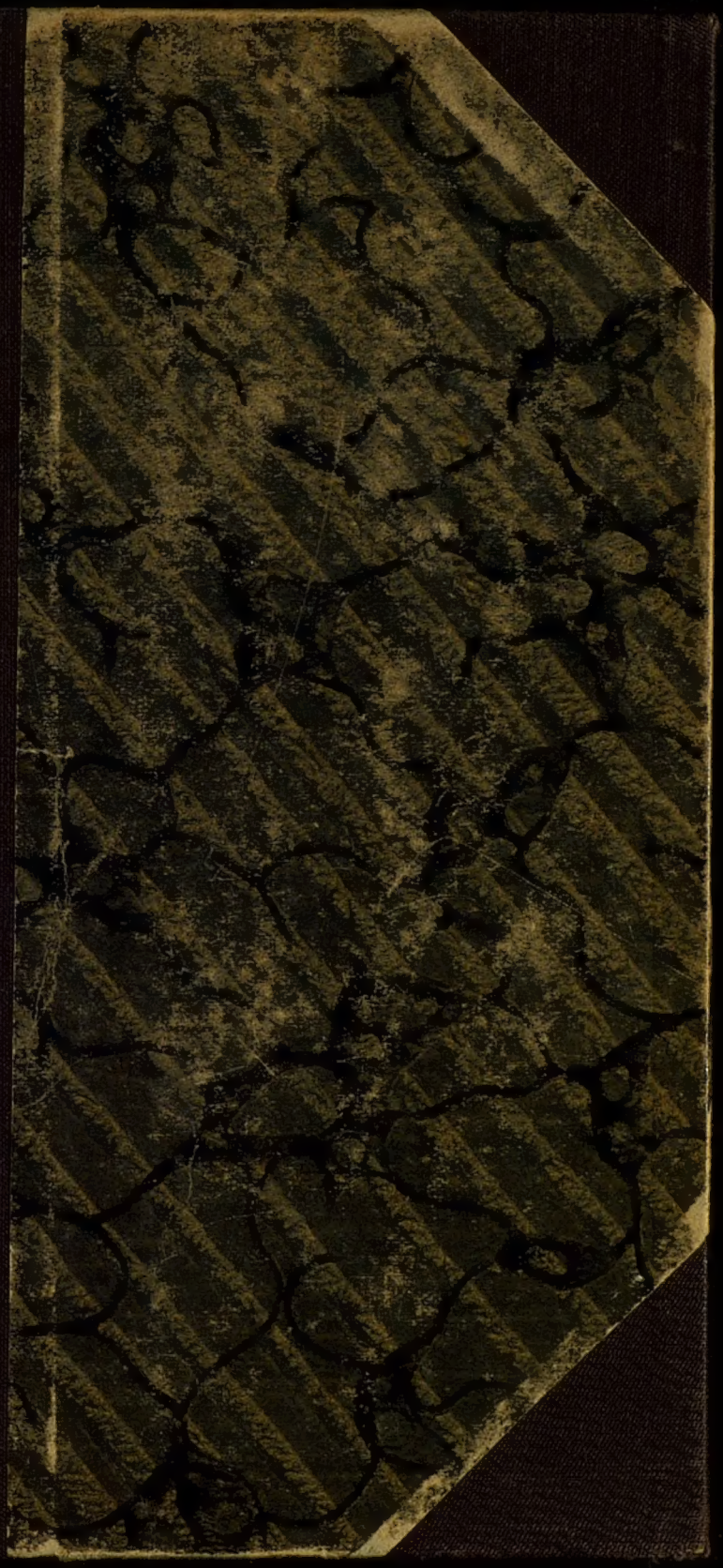
ПАРТИЯ ПРОТИВ ИТРЕЙКОВЦЕВ, ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА В ОКТ. 1917

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН363
А225



ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП-(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП-(б)

EH363
П225

ПАРТИЯ ПРОТИВ ШТРЕЙКБРЕХЕРСТВА ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА В ОКТЯБРЕ 1917 Г.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

215

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 2 7

ИСТПАРТ ЦК ВКП (б)

ЕН363
П225

ПАРТИЯ

ПРОТИВ ШТРЕЙКБРЕХЕРСТВА ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА В ОКТЯБРЕ 1917 Г.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА : : 1927 : : ЛЕНИНГРАД

2-й экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

ЕН363
П225

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
25008
184960

Главлит № А.699. Гиз № 24.202. Тираж 20.000 экз.

6-я типо-лит. Транспечати НКПС. Москва, Б. Переяславская, 46.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 5

ОТДЕЛ 1. **Ленин ставит вопрос о восстании** 11

1. Письма Ленина в Ц. К. о восстании 11
2. Протокол заседания Ц. К. от 28 (15) сент. 1917 г. . . 21
3. Кризис назрел. (Статья Ленина) 22
4. Письма Ленина к Петроградской конференции. . . . 32
5. Письмо Ленина в ЦК, ПК, МК 37
6. Тезисы Ленина для Петроградской конференции . . . 39
7. Каменев против ухода из Предпарламента. 42
8. Советы постороннего (письмо Ленина) 42
9. Письмо Ленина к делегатам Северного с'езда Советов. 45

ОТДЕЛ 2. **Партия принимает решение о восстании.**

1. Протокол ЦК от 23 (10) октября 53
2. Моск. Област. Бюро о восстании 56
3. ПК о восстании 60
4. Заседание ЦК 29 (16) октября. 61
5. Письмо Ленина к руководящим кругам партии от 6 ноября (24 октября) 71

ОТДЕЛ 3. **Зиновьев и Каменев пытаются сорвать решение партии о восстании.**

1. Письмо Каменева и Зиновьева „К текущему моменту“. 74
2. „Письмо к товарищам“ Ленина 84
3. Выдержка из статьи Базарова. 107
4. Ю. Каменев о выступлении 108

Стр.

5. Письмо Зиновьева в „Рабоч. Путь“ 110
6. Письма Ленина об исключении Каменева и Зиновьева из партии 111
7. Ц. К. обсуждает вопрос об исключении Каменева и Зиновьева из партии 120

ОТДЕЛ 4. **Неверие Зиновьева, Каменева и др. в 1917 г. в возможность закрепления Октябрьской победы в России на основе диктатуры пролетариата.**

1. Соглашательство Каменева 123
2. ЦК призывает Каменева к порядку 124
3. Каменев и Зиновьев срывают решение ЦК. 125
4. Заявление Каменева и др. о выходе из ЦК партии . . 128
5. Новое заявление тов. Каменева в ЦК 130
6. Постановление ЦК против дезорганизаторов 131
7. Ответ Каменева 132
8. Письмо Ленина о дезертирстве Каменева, Зиновьева и др. 133
9. Отстранение Каменева от работы 139
10. Просьба Каменева и др. о возвращении в ЦК и отказ Ленина 139

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник документов освещает борьбу партии за ленинскую линию в ответственнейший период партийной истории—во время Октября 1917 г. Многие документы, печатаемые нами, написаны Лениным; другие—противниками ленинской линии, боровшимися с Лениным в 1917 г. по тем же вопросам и часто теми же антипартийными средствами, какими они борятся теперь с ленинской партией.

Многим печатаемым документам того периода не повезло в нашей партийной истории. Из пыли архивов, со страниц старых партийных газет некоторые из них вытащил в 1924 г. т. Троцкий для использования в „Уроках Октября".

Т. Троцкий упрекал тогда своих теперешних союзников и учеников—Каменева и Зиновьева — в социал-демократическом уклоне, но упрекал не их одних. Он упрекал в оппортунистическом перерождении всю большевистскую партию. Октябрьские ошибки Каменева и Зиновьева были вытащены из пыли архивов т. Троцким для того, чтобы заодно с этими товарищами обвинять всю партию и Центральный Комитет в борьбе против ленинской линии, в „саботаже Октябрьской революции".

Но это нападение Троцкого на партию было ею с позором для т. Троцкого отбито. Троцкий пытался

доказать, что Октябрьский переворот подготовлялся за спиной Центрального Комитета и Ленина, что Октябрьской Революцией руководил главным образом он, т. Троцкий, и т. д. Партия указала Троцкому на его грубое искажение Октябрьских событий. Попытка подменить ленинизм троцкизмом была разоблачена.

В дискуссии с Троцким 1924—25 г.г. партия принуждена была взять под свою защиту от многочисленных его нападок и теперешних лидеров оппозиционного блока — Каменева и Зиновьева. Оба они в борьбе с Троцким в 1924—25 г. отстаивали тогда ленинизм против троцкизма. Их грубая октябрьская ошибка не проявлялась тогда в их работе в партии; казалось, что они признали ее и вполне исправили. Партия не напоминала им про эту ошибку и одернула Троцкого, который для борьбы с ленинским ЦК усиленно раздувал ее. Партия помнила слова Ленина, сказанные как раз про эту ошибку этих же товарищей „без особенной надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены". (Собр. соч., том XVII, стр. 373).

С тех пор прошло около 3-х лет. За эти 3 года многое переменилось. Бывшие ленинцы, Каменев и Зиновьев, сами скатились к троцкизму. Их октябрьская ошибка, как предсказывал в другом месте Ленин, оказалась не случайной. При новом изгибе партийной тактики, на переломе от первого периода нэпа ко второму,—от восстановительного периода народного хозяйства к социалистическому переустройству нашего хозяйства,—сказалась их октябрьская ошибка, октябрьское неверие в возможность победоносной социалистической революции в СССР, при задержке мировой революции.

Каменев и Зиновьев позабыли про былые разногласия с Троцким и, об'единившись с ним, повели борьбу против ленинского ЦК, против ленинской партии.

Если в 1924 г. партия „считала неправильным вспоминать *без особой надобности* такие ошибки, которые вполне исправлены", то теперь эта „особая надобность" появилась; ошибки оказались неисправленными; ошибки повторились. Октябрьское штрейкбрехерство Каменева и Зиновьева стало рецидивом и становится одним из корней социал-демократического уклона нашей оппозиции, в то время как его основной идеологией является идеология троцкизма.

В самом деле. К чему сводилась октябрьская ошибка Каменева и Зиновьева? К недооценке классовых сил пролетариата и недооценке роли в революции крестьянства. Сказались в октябре и их неизжитые конституционные иллюзии, неверие в возможность осуществления диктатуры пролетариата.

Если Ленин доказывал, что пролетарской революции обеспечена крестьянская поддержка, что „большинство народа за нас", то Каменев и Зиновьев в своем письме „К текущему моменту" утверждали: восстание обречено на поражение, потому что „этот лагерь (мелкой буржуазии и, в первую очередь, крестьянства. *Ред.*) стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам".

Почему ушли эти товарищи из ЦК после Октябрьской победы? Потому что они считали, что в России невозможна победа социализма и что необходимо соглашение с меньшевиками и эс-эрами на программе не социалистической, а буржуазно-демократической революции. Оба факта их дезертирства — и до Октября,

и после Октября—имеют одну и ту же глубокую причину.

Недаром и аргументация целиком повторяется: „только рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным, без всяких колебаний, немедленно взять власть в свои руки".

Выступая против идейной линии партии, доказывая невозможность социалистической революции в России, Каменев и Зиновьев, естественно, должны были искать себе союзника для борьбы с Лениным и с ленинской партией. Этого союзника они и тогда, и теперь находят *вне* пролетарской партии. Как тогда, так и теперь они апеллируют против ЦК и против партии — к беспартийным, и даже к прямым врагам нашей партии. В 1917 г. они печатали статьи в меньшевистской „Новой Жизни", в 1927 г. передают ренегатам, исключенным из Коминтерна—Рут Фишер и Масловым—секретные партийные постановления, протоколы допроса ГПУ и т. д.

Вот как описывает их тактику документ, под которым стоит первая подпись т. Ленина: „*Оппозиция намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции . . . Представители меньшинства вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии, и деморализуют наши собственные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходимы величайшая твердость и неуклонность*". К чему шла оппозиция 1917 г., к чему идет теперешняя оппозиция? Ленинский документ отвечает: к попытке „*сформировать новую власть вместе с теми своими союзниками, во имя*

которых оппозиция саботирует сейчас нашу работу", такую власть, по отношению к которой большевики-ленинцы „будут считать себя совершенно свободными . . . и которая ничего, кроме колебаний, бессилия и хаоса, внести не может".

В борьбе с социал-демократами, штрейкбрехерами и раскольниками партии В. И. Ленин был беспощаден. Он предлагал Центральному Комитету принять постановление: „признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии".

„*Я бы считал позором для себя*,—писал Ленин,—*если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК, и перед С'ездом буду бороться за исключение обоих из партии . . . Пусть господа Зиновьев и Каменев основывают свою партию с десятками растерявшихся людей или кандидатов в Учредительное Собрание. Рабочие в такую партию не пойдут . . . Пусть строют они себе такую партию. Наша рабочая партия большевиков от этого только выиграет*".

Все это было до Октябрьского восстания. А вот что писал Ленин по поводу раскольнической тактики Каменева и Зиновьева уже *после* победы. „*Партия должна решительно предложить представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации. Иного исхода нет. и быть не может. Разумеется, раскол был бы фактом крайне прискорбным. Но честный и открытый раскол сейчас лучше внутреннего саботажа, срывания своих собственных решений и прострации*".

Эти суровые слова Ленина напоминают всю остроту положения перед и во время Октября 1917 г. Но они не утеряли свой смысл и сейчас. Ясная, предостерегающая острота их остается правильной и применительно к 1927 г., когда дезорганизация, неповиновение партийной дисциплине троцкистской оппозиции растут, когда попытки создания „своей“ партии ставятся кучкой раскольников из об'единенной оппозиции, вопреки предостерегающему голосу партии.

ОТДЕЛ I.

Ленин ставит вопрос о восстании.

I.

Письма Ленина в Центральный Комитет большевистской партии.

В конце сентября (нов. ст.) 1917 г. большевики завоевали большинство в столичных Советах Раб. и Солд. Деп.: Питерском и Московском. Одновременно по всей России быстро разгоралось крестьянское восстание. Это восстание доказывало, что крестьяне уже не верят больше меньшевикам и эсерам и поддержат большевиков в борьбе с Временным Правительством. Исходя из этих и ряда других фактов, Ленин пришел к выводу, что «в стране назревает новая революция—революция рабочих и беднейших крестьян» и в упор поставил перед ЦК партии вопрос о подготовке восстания. Этому вопросу были посвящены следующие его письма, написанные в подполье:

Большевики должны взять власть.

Письмо в Ц. К., П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков).

Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы,

победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет.

Большинство народа *за* нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Колебания эс-эров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают тоже самое.

Демократическое Совещание *не* представляет большинства революционного народа, а *лишь соглашательские мелко-буржуазные верхи*. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в Гор. Думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот об'ективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое Совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевитское правительство *одно* удовлетворит крестьянство

* * *

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во 100 раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К° во главе мы помешать не в силах.

И Учредительного Собрания „ждать“ нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К⁰ всегда *могут сорвать* его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний м-ков и эс-эров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

Вопрос идет не о „дне“ восстания, не о „моменте“ его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с *массами*.

Вопрос о том, что наша партия теперь на Демократическом Совещании имеет фактический *свой с'езд*, и этот с'езд решить должен (хочет или не хочет, а должен) *судьбу революции*.

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «*восстание есть искусство*» и т. д.

* * *

Ждать „формального“ большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К⁰ не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания „Демократического Совещания“ должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера

и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Совет и демократические организации. Международное положение *именно* теперь, *накануне* сепаратного мира англичан с немцами, *за нас*. Именно теперь предложить мир народам—значит *победить*.

Взять власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*.

Марксизм и восстание.

Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков).

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими „социалистическими“ партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как искусству, есть „бланкизм“.

Вождь оппортунизма, Бернштейн, уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на иоту не подновляют и не „обогащают“ скудные „идеи“ Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*, сказав, что к восстанию надо относиться, как к

искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха итти к успеху, не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно упираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный под'ем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается *марксизм от бланкизма*.

Но раз есть на-лицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как *к искусству*, значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда *обязательно* для партии признать *восстание* поставленным ходом об'ективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями.

3—4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо об'ективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано *только* историей июля и августа, опытом „расправы“ с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного под'ема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда *колебаний*, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо „союзники“ стоят во главе всемирного империализма, *заколебался* между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелко-буржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, не смотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого „озверения“, такой кипучей ненависти *и к* Керенским *и к* Церетелли-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эс-эров и м-ков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины* могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эс-эров (и от самих эс-эров) *земли не получит*. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока м-ков с эс-эрами.

За нами *верная победа*, ибо народ совсем уж близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу „в дни корниловские", затем *предложив* компромисс блокистам и *получив отказ от них* при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что „Демократическое Совещание" *еще* может принять его. Компромисс предлагался от *партии* к *партиям*; иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его. Демократическое Совещание есть только *совещание*, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено *большинство* революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание *меньшинства народа*,—нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно об'явило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами на-лицо все об'ективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — исключительные выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только наша* победа в восстании *сорвет* игру с сепаратным миром против революции,—сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, *может* спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда *мы* становимся „оборонцами", тогда мы становимся *во главе военных партий*, мы будем *самой «военной»* партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Рессурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необ'ятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь—это значит уже победить *весь мир*.

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они *там* полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими «сепаратный» раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки *революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.*

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой этого вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, тем резче будет декларация, тем лучше. В ней только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эс-эров и меньшевиков; мы рвем с этими *партиями* окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократией, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть* на *заводы* и в *казармы:* там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, *мы правильно учтем момент для начала восстания.*

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству.*

Ленин. Собр. соч. т. 14 ч. 2, стр. 133 - 140.

Протокол заседания Центрального Комитета партии большевиков от 28 (15) сентября 1917 г.

Как отнеслись к вопросу о восстании значительная часть ЦК и в том числе Каменев, видно из следующего протокола заседания ЦК.

Присутствовали: Троцкий, Каменев, Рыков, Ногин, Сталин, Свердлов, Бубнов, Бухарин, Оппоков, Колонтай, Дзержинский, Урицкий, Иоффе, Шаумян, Сокольников, Милютин.

Порядок дня: Письма Ленина [1].

Решено в ближайшее время назначить собрание ЦК, посвященное обсуждению тактических вопросов.

Тов. Сталин предлагает разослать письма в наиболее важные организации и предложить обсудить их. Решено перенести на ближайшее заседание ЦК.

Ставится на голосование вопрос, кто за то, чтобы был сохранен только один экземпляр писем. За—6, против—4, воздержалось 6.

---

1. Речь идет о письмах Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» (см. выше стр. 11—20). В этих письмах т. Ленин вперные четко и ясно ставит вопрос о практической подготовке восстания и назначении его на ближайшие дни.

При обсуждении писем, повидимому, впервые выявились те разногласия в ЦК, которые через несколько недель проявились так резко в октябрьские дни.

Правые, во главе с т. Каменевым, предложили не только отвергнуть практические предложения т. Ленина, но и уничтожить все экземпляры письма, кроме одного, чтобы предложение т. Ленина о подготовке восстания не распространялось в партии. Наоборот, предложение т. Сталина—разослать письма по организациям и предложить обсудить их—имело целью организовать воздействие местных партийных комитетов на ЦК и подтолкнуть его к выполнению ленинских директив.

«Пролетарская Революция» № 10 за 1927 г. стр. 246—247.

Тов. Каменевым вносится предложение принять следующую резолюцию:

ЦК, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улицу. ЦК вместе с тем обращается к т. Ленину с требованием разработать в особой брошюре поставленный в его письмах вопрос об оценке текущего момента и политике партии.

Резолюция отвергается.

4. Кризис назрел.

(Статья В. И. Ленина.)

Центральный Комитет партии на заседании 28(15) сентября не решился принять ленинского предложения о восстании. Ленин, считая необходимым скорейшую организацию восстания, пишет ряд писем в защиту его необходимости. Особенно возмущало Ленина участие большевиков в Предпарламенте (принятое ЦК по настоянию Каменева) и предоставление места меньшевикам в Президиуме Петросовета (предложение Троцкого). Ленин считал эти решения *позорными* и, как видно из его письма, подавал даже заявление об уходе из ЦК, чтоб заставить ЦК отменить эти позорные решения.

I

Нет сомненья, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости также и всемирной революции.

Всемирная рабочая революция началась выступлениями одиночек, с беззаветным мужеством представлявших все, что осталось честного от прогнившего

официального «социализма», а на деле социал-шовинизма. Либкнехт—в Германии, Адлер—в Австрии, Маклин—в Англии—таковы наиболее известные имена этих героев одиночек, взявших на себя тяжелую роль предтеч всемирной революции.

Вторым этапом в исторической подготовке этой революции явилось широкое массовое брожение, которое выливалось и в форму раскола официальных партий, и в форму нелегальных изданий, и в форму уличных демонстраций. Усиливался протест против войны—увеличивалось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы стран, славившихся своей свободой, Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало *военных восстаний* в Германии—вот несомненные признаки великого перелома, признаки *кануна революций* в мировом масштабе.

Нет сомнения, в Германии были и раньше отдельные случаи мятежа в войсках, но эти случаи были так мелки, так разрознены, так слабы, что их удавалось замять, замолчать—и в этом было главное для пресечения *массовой заразительности* мятежнических действий. Наконец, назрело и такое движение во флоте, когда уже ни замять, ни замолчать его, даже при всех неслыханно разработанных и с невероятным педантизмом соблюденнных строгостях германского военно-каторжного режима, *не удалось*.

Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И, так как мы

русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран, пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные Советы рабочих и солдатских депутатов, имеем на своей стороне *большинство* народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится.

II

В России переломный момент революции несомненен.

В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эс-эров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелко-буржуазной демократии, растет *крестьянское восстание*.

Это невероятно, но это факт.

И нас, большевиков, не удивляет этот факт, мы всегда говорили, что правительство пресловутой «коалиции» с буржуазией есть правительство измены демократизму и революции, правительство *империалистской* бойни, правительство *охраны* капиталистов и помещиков *от* народа.

В России, благодаря обману эс-эрами и меньшевиками, осталось и остается, при республике, во время революции, рядом с Советами, правительство капиталистов и помещиков. Такова горькая и грозная действительность. Чего же удивительного, если в России, при неслыханных бедствиях, причиняемых народу затягиванием империалистской войны и ее последствиями, началось и разрастается крестьянское восстание.

Чего же удивительного, если противники большевиков, вожди *официальной* эс-эровской партии, той самой, которая все время «коалицию» поддерживала, той самой, которая до последних дней или до последних недель имела большинство народа на свей стороне,—той самой, которая продолжает порицать и травить «новых» эс-эров, убедившихся в предательстве интересов крестьянства политикой коалиции,—эти вожди официальной эс-эровской партии пишут... 29 сентября в редакционной передовице «Дела Народа», их официального органа:

«...Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России... Закон об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во Временное Правительство и даже прошедший через такое чистилище, как юридическое совещание, этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы не правы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще не освободилось от старых навыков царского управления, что столыпинская хватка еще сильно дает себя знать в приемах революционных министров».

Так пишут официальные эс-эры! Подумайте только: сторонники коалиции *вынуждены* признать, что через 7 месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабалы» крестьян, закабаления их помещиками! Эти эс-эры *вынуждены* назвать *столыпинцами* своего коллегу Керенского и всю его банду министров.

Можно ли найти более красноречивое свидетельство из лагеря наших противников, подтверждающее не

только то, что коалиция крахнула, не только то, что официальные эс-эры, терпящие Керенского, стали *противонародной, противокрестьянской, контрреволюционной* партией, но и то, что вся русская революция пришла к перелому?

Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского—эс-эра, Никитина и Гвоздева—меньшериков, и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов! Подавление этого восстания *военными мерами* республиканского правительства.

Можно ли быть еще перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины?

III

Ясно само собою, что, если в крестьянской стране, после 7 месяцев демократической республики дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к «*последней черте*».

Это ясно само собою. Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения.

Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что общенациональный кризис назрел.

После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелько-буржуазных масс населения, национальный вопрос. И мы видим, что на «Демократическом» Совещании, подтасованном господином Церетели и К°, «национальная» курия по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя *выше* курии Советов рабочих и солдатских депутатов по проценту голосов, поданных *против* коалиции (40 из 55). Из Финляндии правительство Керенского, правительство подавления крестьянского восстания, выводит революционные войска, чтобы подкрепить реакционную финскую буржуазию. На Украине конфликты украинцев вообще и украинских войск в частности с правительством все учащаются.

Возьмем далее армию, которая в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни. Мы видели полный *откол* от правительства финляндских войск и балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, не большевика, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т.-е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ручаться нельзя. Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат, четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные Думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенацио-

нальном настроении. Что Москва более Питера мелкобуржуазна—это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям,— это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эс-эров и меньшевиков с 70 проц. в июне падают до 18 проц. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17 проц. до 30 проц., но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эс-эров и «правых» меньшевиков. А «Русск. Вед.» говорят, что *абсолютное* число голосов за кадетов понизилось с *67* до *62* тысяч. Только у большевиков число голосов возросло с 34 тысяч до 82 тысяч. Они получили 47 проц. всего числа голосов. Что вместе с левыми эс-эрами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и в *стране*,—в этом ни тени сомнения быть не может.

А к числу симптомов, имеющих не только симптоматическое, но и весьма реальное значение, надо отнести еще тот, что имеющие гигантское общеэкономическое и военное значение армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством, при чем даже меньшевики-оборонцы недовольны «своим» министром Никитиным, а официальные эс-эры называют Керенского и К° «столыпинцами». Не ясно ли, что такая «поддержка» правительства меньшевиками и эс-эрами имеет, если имеет, только отрицательное значение?*) . . . . . .

*) Глава IV статьи Ленина до сих пор не розыскана.

V

Да, вожди ЦИК ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков. И нет ни малейшего сомнения, что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в созыв У. С., «ожидания» С'езда Советов и т. п., нет сомнения, что такие большевики оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу.

Ибо интернационализм состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а *в деле.*

Ибо теперь подавление крестьянского восстания правительством, которое *даже* «Дело Народа» сравнивает с столыпинцами, значит *губить* всю революцию, губить ее навсегда и бесповоротно. Кричат об анархии и о росте равнодушия масс: еще бы массам не быть равнодушными к выборам, если крестьянство *доведено до восстания*, а так называемая «революционная демократия» терпеливо сносит военное подавление его!!!

Ибо снести подавление крестьянского восстания в такой момент—*значит* дать подделать выборы в У. С. *совершенно так же* и еще хуже, грубее—как подделали «Демократическое Совещание» и «предпарламент».

Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту.

Кризис назрел . . . . . .

До этого места можно печатать, а продолжение *для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов.*

VI

Что же делать? Надо aussprechen, was ist, „сказать, что есть", признать правду, что у нас в Ц. К. и в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание*

С'езда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *оборотъ* это течение или мнение.

Иначе большевики опозорили себя на веки и *сошли на—нет*, как партия.

Ибо пропускать такой момент и „ждать" С'езда Советов есть полный *идиотизм* или *полная измена*.

Полная измена немецким рабочим. Не ждать же нам *начала* их революции. Тогда и Либерданы будут за „поддержку" ее. Но она *не может* начаться, пока Керенский, Кишкин и К° у власти.

Полная измена крестьянству. Имея оба *столичных* Совета, дать подавить восстание крестьян — значит *потерять* и *заслуженно потерять* всякое доверие крестьян, значит сравняться в глазах крестьян с Либерданами и пр. мерзавцами.

„Ждать" С'езда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически, и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом „назначенного" *) восстания).

„Ждать" С'езда Советов есть идиотизм, ибо *С'езд ничего не даст, ничего не может дать*.

Моральное значение. Удивительно... Значение резолюций и разговоров с Либерданами, когда мы знаем, что Советы *за* крестьян и что крестьянское восстание *подавляют*... Мы сведем этим *Советы* до роли мелких

---

*) «Созывать» С'езд Советов на 20 октября для решения «взять власть» чем же это отличается от «назначения» восстания поглупому?.. Теперь взять власть можно, а 20—29 октября ее вам не дадут взять.

болтунов. Сначала победите Керенского, потом созывайте С'езд.

Победа восстания *обеспечена теперь* большевиками: 1) мы можем *) (если не будем „ждать" Советского С'езда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку, и подавляющее крестьянское восстание против помещиков; 3) мы в большинстве в *стране;* 4) развал у меньшевиков и эс-эров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве, которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью; 6) мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда,—а агитация в *армии* пойдет такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.

Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то $^{99}/_{100}$ за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира. Если даже у Керенского *уже* есть „верная" кавалерия и т. п. в Питере, то при ударе с двух сторон и при сочувствии армии к *нам* Керенский будет вынужден *сдаться.*

Если даже при таких шансах, как теперь, не брать власти, тогда все разговоры о власти Совета превращаются *в ложь.*

---

*) Что сделала партия *для изучения* расположения войск и проч., для проведения восстания как «искусства»? Только разговоры в ЦИК и т. п.

Не брать власти теперь, „ждать“, болтать в ЦИК, ограничиться „борьбой за орган“ (Совет), „борьбой за С'езд“—это значит *погубить революцию*.

Видя, что Ц. К. оставил *даже без ответа* мои настояния в этом духе с начала Демократического Совещания, что Ц. О. *вычеркивает* из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т. д. и т. д.,—видя это, я должен усмотреть тут „тонкий“ намек на нежелание Ц. К. даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться.

Мне приходится *подать прошение о выходе из Ц. К.*, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на с'езде партии.

Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем „ждать“ С'езда Советов и упустим момент теперь, мы губим революцию. **Н. Ленин.**

P. S. Целый ряд фактов показал, что даже казацкие войска не пойдут против правительства мира. А сколько их? Где они? А вся армия разве не отрядит частей *за* нас?

Первые 4 главы были напечатаны в газете «Раб. Путь» № 30 от 20(7) октября 1917 г.

Печатаем письмо по тексту Собрания Сочинений т. 20, стр. 152—159.

Письмо Ленина к Петроградской Общегородской Партийной Конференции (для прочтения на закрытом заседании).

Не ограничиваясь письмами в Центральный Комитет партии, Ленин агитировал за восстание и в других организациях партии. Печатаемое письмо было адресовано третьей Петроградской партий-

ной конференции, состоявшейся 20—24 (7—11) октября 1917 г., и было оглашено на заседании ее 24(11) октября.

Товарищи! Позвольте мне обратить внимание конференции на крайнюю серьезность политического положения. Я могу опираться только на сведения утренних субботних газет. Но эти сведения заставляют поставить вопрос так:

Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок, при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен *заговор* об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким* путем?

Я думаю, что доказывает.

Заговор заключен может быть не прямо, а еще раз через каких-нибудь корниловцев (Маклакова, других кадетов, „беспартийных“ русских миллионеров и т. п.), но ведь это сути дела нисколько не меняет.

Вывод ясен:

Надо признать, что революция погибла, если правительство Керенского не будет свергнуто пролетарпями и солдатами в ближайшем будущем. Вопрос о восстании ставится на очередь.

Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского.

Надо обратиться к московским товарищам, убеждая их взять власть в Москве, об'явить правительство Керенского низложенным и Совет Рабочих Депутатов

в Москве об'явить Временным Правительством в России для предложения тотчас мира и для спасения России от заговора. Вопрос о восстании в Москве пусть московские товарищи поставят на очередь.

Надо воспользоваться созываемым на 8 октября в Гельсингфорсе Областным С'ездом Советов Солдатских Депутатов Северного района, чтобы (при проезде делегатов назад через Питер) все силы мобилизовать для их привлечения на сторону восстания.

Надо обратиться в Ц. К. нашей партии с просьбой и предложением ускорить уход большевиков из Предпарламента и все силы направить на разоблачение в массах заговора Керенского с империалистами других стран и на подготовку восстания для правильного выбора момента восстания.

P. S. Резолюция *солдатской* секции Пет. Сов. против ухода правительства из Питера показала, что и среди солдат *зреет* убеждение в заговоре Керенского. Надо все силы собрать для поддержки этого *верного* убеждения и для агитации среди солдат.

Я вношу предложение принять следующую резолюцию.

Конференция, обсудив теперешнее по общему признанию до последней степени критическое положение, устанавливает следующие факты:

1. Наступательные операции германского флота, при крайне странном полном бездействии английского флота и в связи с планом Врем. Правительства переселиться из Питера в Моску вызывают сильнейшее подозрение в том, что Правительство Керенского (или, что все равно, стоящие за ним русские империалисты) составило заговор с англо-французскими империали-

стами об отдаче немцам Питера для подавления революции *таким* способом.

2. Эти подозрения в высшей степени подкрепляются и приобретают максимум возможной в таких случаях вероятности в силу того, что:

во 1-х, в армии давно крепнет и окрепло убеждение, что ее предавали царские генералы, предают и генералы Корнилова и Керенского (особенно сдача Риги);

во 2-х, англо-французская буржуазная пресса не скрывает своей бешеной, до неистовства доходящей ненависти к Советам и готовности какой угодно кровавой ценой уничтожить их;

в 3-х, что Керенский, кадеты, Брешковская, Плеханов и тому подобные политики являются вольно и невольно орудиями в руках англо-французского империализма, что доказала вполне полугодовая история русской революции;

в 4-х, глухие, но упорные слухи о сепаратном мире Англии с Германией „за счет России" не могли возникнуть беспричинно;

в 5-х, вся обстановка Корниловского заговора, как это выявляется даже из заявления сочувствующих в общем Керенскому газет: „Дело Народа" и „Известия", доказала, что Керенский сильнейшим образом замешан в Корниловской истории, что Керенский был и остается самым опасным корниловцем; Керенский прикрыл главарей корниловщины вроде Родзянки, Клембовского, Маклакова и др.

Исходя из этого, конференция признает, что все крики Керенского и поддерживающих его буржуазных газет об обороне Питера—сплошной обман и лицемерие, и что вполне права солдатская секция Петр.

Сов., резко осудившая план выселения из Питера,— далее, что для обороны Питера и для спасения революции безусловно и напряженно необходимо, чтобы измученная армия убедилась в добросовестности правительства и получила хлеб, одежду и обувь ценой революционных мер против капиталистов, до сих пор саботировавших борьбу с разрухой (по признанию даже экономич. отдела при меньшевистско-эсеровском ЦИК).

Конференция заявляет поэтому, что только свержение правительства Керенского вместе с подтасованным Советом Республики и замена его рабочим и крестьянским революционным правительством способно:

а) передать землю крестьянам вместо подавления восстания крестьян;

б) тотчас же предложить справедливый мир и тем дать веру в правду всей нашей армии;

в) принять самые решительные революционные меры против капиталистов для обеспечения армии хлебом, одеждой и обувью и для борьбы с разрухой.

Конференция настоятельно просит Ц. К. принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян для свержения противонародного и крепостнического правительства Керенского.

Конференция постановляет немедленно послать делегацию в Гельсингфорс, Выборг, Кронштадт, Ревель, в войсковые части к югу от Питера и в Москву для агитации за присоединение к этой резолюции и за необходимость быстрым общим восстанием и свержением Керенского открыть дорогу к миру, к спасению Петрограда и революции, к передаче земли крестьянам и власти Советам.

Ленин, Собр. Соч. т. XX, ч. 2, стр. 162—165.

Письмо Ленина в ЦК, ПК и МК Р. С.-Д. Р. П. (б).*).

Дорогие товарищи!

События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно *преступлением*.

Аграрное движение растет, Правительство усиливает дикие репрессии. В войске симпатии к нам растут (99% голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против Правительства, свидетельство Дубасова о фронте вообще).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве—47% б-ков—гигантская победа. С левыми с.-р. *явное* большинство *в стране*.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с Правительством. Либерданы вместо с'езда на 20 октября говорят уже о с'езде *в 20 числах*, и т. д., и т. д.

При таких условиях «ждать»—преступление.

Большевики не в праве ждать с'езда Советов, они должны взять власть *тотчас*. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и *против нас об'единятся*), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать *сильнее*, чем мы), и жизнь сотни тысяч людей на войне.

Медлить—преступление. Ждать с'езда Советов—ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

---

*) В т. 14 Собр. Сочинений ошибочно указано, что письмо адресовали только в ПК и МК, а не в ЦК. Ред.

Если нельзя взять власть без восстания, надо *итти на восстание* тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы московский Совет сразу тотчас взял власть и об'явил себя (вместе с питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и *воевать некому*. В Питере можно *выждать*. Правительству нечего делать и нет спасения, *оно сдастся*.

Ибо московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу,— агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: *мир* мы предложим *завтра*, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). *Землю* крестьянам *тотчас*, уступки железнодорожникам и почтовым служащим—*тотчас*, и т. д.

Не обязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер*.

Если даже у Керенского есть под Питером 1—2 корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский Совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена, и на $^{9}/_{10}$ шансы, что бескровно.

Ждать—преступление перед революцией.

Привет *Н. Ленин*.

Написано в начале октября 1917 г.

Ленин, Собр. Соч. т. 14 ч. 2, стр. 266—267.

ТЕЗИСЫ,

выработанные Лениным для Петербургской общегородской конференции и наказа делегатам на партийный с'езд.

Ленин решительно настивал на том, чтобы партия отозвала своих членов из Предпарламента. Об этом и пишет он в помещаемых ниже тезисах.

О Предпарламенте.

1) Участие нашей партии в «Предпарламенте» или «демократическом Совете» или «Совете республики» есть явная ошибка и отступление от пролетарски революционного пути.

2) Об'ективное положение таково, что в стране, несомненно, нарастает революция против бонапартистского правительства Керенского (крестьянское восстание, усиление недовольства и конфликтов с правительством в армии и среди национальных групп, конфликт с железнодорожниками и почтовыми служащими, полный крах соглашателей м-ков и эс-эров на выборах и пр.).

При таком нарастании революции итти в поддельный парламент, подтасованный для обмана народа, значит облегчить этот обман, *затруднять* дело подготовки революции, отвлекать внимание и силы партии от насущной задачи борьбы за власть и за свержение правительства.

3) С'езд партии должен поэтому отозвать членов нашей партии из предпарламента, об'явить бойкот его, призвать народ к подготовке сил для разгона этой церетелевской «булыгинской думы».

О лозунге «вся власть Советам».

1. Вся полугодовая работа большевиков в революции, вся критика, направленная ими против м-ков и эс-эров

за «соглашательство» и за превращение этими партиями Советов в говорильни требуют от большевиков добросовестного, марксистски выдержанного соблюдения этого лозунга; к сожалению, в верхах партии заметны шатания, как бы «боязнь» борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и с'ездами.

2. Весь опыт обеих революций, как 1905 года, так и 1917 г., а равно все решения партии большевиков, все ее политические заявления за много лет сводятся к тому, что Совет рабочих и солдатских депутатов реален—лишь как орган восстания, лишь как орган революционной власти. Вне этой задачи Советы—пустая игрушка, неминуемо приводящая к апатии, равнодушию, разочарованию масс, коим вполне законно опротивели повторения без конца резолюций и пртестов.

3. Особенно теперь, когда в стране разливается крестьянское восстание, подавляемое Керенским при помощи подобранных войск, когда военные меры в деревне грозят подтасовкой и подделкой выборов в Учредительное Собрание, когда в Германии дошло дело до восстания во флоте,— теперь отказ большевиков от превращения Советов в орган восстания был бы изменой и крестьянам, и делу международной социалистической революции.

4. Задача взятия власти Советами есть задача успешного восстания. Поэтому все лучшие силы партии должны быть направлены на фабрики и в казармы, чтобы раз'яснять массам их задачу и чтобы, правильно учитывая их настроение, выбрать правильный момент для свержения правительства Керенского.

Связывать эту задачу непременно со с'ездом Советов, подчинять ее этому с'езду—значит *играть в восстание*, назначая заранее его срок, облегчая подготовку войск

правительством, сбивая с толку массы иллюзией, будто «резолюцией» с'езда Советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший пролетариат своей силой.

5. Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на с'езд Советов, от предвзятой мысли непременно «дождаться» его, сосредоточить все силы на раз'яснении массам неизбежности восстания и на подготовке его. Имея в руках оба столичные Совета и отказываясь от этой задачи, мирясь с созывом Учредительного Собрания (т.-е. с подделкой Учредительного Собрания) правительством Керенского, большевики свели бы на пустую фразу свою пропаганду лозунга «власть Советам» и политически опозорили бы себя, как партию революционного пролетариата.

6. Это особенно верно теперь, когда выборы в Москве дали 49½% голосов большевикам и когда за большевиками, при поддержке их левыми с.-р., —поддержке, давно уже осуществляемой на деле, несомненное большинство в стране.

Примечание к резолюции о «власти Советам»:

Можно не все печатать из тезисов о «власти Советам», но если отказываться от партийного обсуждения и от выяснения массам таких насущнейших и важнейших вопросов, для обсуждения коих нет полной свободы печати, или кои нельзя вынести перед врагом, то это равносильно потере связи партии с авангардом пролетариата.

Написано в начале октября 1917 г.

Ленин. Собр. Соч., т. 14, ч. 2, стр. 267—269.

Каменев против ухода из Предпарламента.

18(5) октября ЦК партии всеми голосами против одного принял решение об уходе из Предпарламента. Против этого решения голосовал т. Каменев. Тогда же он подал в ЦК следующее заявление об уходе с ответственной работы.

«В ЦК РСДРП.

Дорогие товарищи, я полагаю, что ваше решение о выходе с первого же заседания «Совета Росс. республики» предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасной [ым] для партии. Подчиняясь решению партии, я вместе с тем прошу товарищей освободить меня от обязанностей в представительных органах (ЦИК и т. д.) и поручить мне какую-либо другую работу.

[18] 5/Ф—1917. *Каменев*»*)

Совет постороннего

(Письмо Ленина)

Приводим еще два письма Ленина в защиту подготовки восстания. Первое: [illegible].

Я пишу эти строки 8 ноября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо с'езд северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими советами постороннего на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей „округи“ состоится вскоре, но еще не состоялось.

*) «Пролет. Революция» № 10, 1927 г., стр. 259.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской—это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплоатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отрекаться теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное „*восстание, как и война, есть искусство*".

Из главных правил этого искусства Маркс выставил;

1) Никогда *не играть* с восстанием, а начиная его, знать твердо, что надо *итти до конца.*

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. „Оборона есть смерть вооруженного восстания“.

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало „*моральный перевес*“.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами „величайшего в истории мастера революционной тактики—Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость“.

В применин к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил на 15 — 20 тыс. (а может и больше) нашей „буржуазной гвардии“ (юнкеров), наших „вандейских войск“ (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон; б) телеграф, в) желдор. станции; г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы наших „ударников“ и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших

пунктов и для *участия* их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,—такова задача, требующая *искусства и тройной смелости.*

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения „центров" врага (юнк. школы, телеграфа и телефона и прочее) с лозунгами *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.*

Будем надеяться, что, в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской, и всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы.

Написано 8 октября 1917 года.

Ленин, Собр. Соч. изд. 4 ч. 2, стр. 269—271.

Письмо Ленина „к товарищам большевикам, участвующим на Областном С'езде Советов в Северной области".

Северный Областной С'езд Советов состоялся 24—26 (11—13) октября в Петербурге. На нем были представлены 150 делегатами, в подавляющем большинстве большевиками, 23 Совета. Все его решения прямо или косвенно призывали к восстанию, в деле подготовки которого он сыграл большую агитационную и организационную роль.

„Товарищи! Наша революция переживает в высшей степени критическое время. Этот кризис совпал с великим кризисом нарастания мировой социалистической революции и борьбы против нее всемирного империализма. На ответственных руководителей нашей партии ложится гигантская задача, невыполнение которой гро-

зит полным крахом интернационалистического пролетарского движения. Момент такой, что промедление поистине смерти подобно.

Взгляните на международное положение. Нарастание всемирной революции неоспоримо. Взрыв возмущения чешских рабочих подавлен с невероятным зверством, указывающим на крайнюю запутанность правительства. В Италии дело тоже дошло до массового взрыва в Турине. Но важнее всего восстание в немецком флоте. Надо представить себе неимоверные трудности революции в такой стране, как Германия, да еще при теперешних условиях. Невозможно сомневаться, что восстание в германском флоте означает великий кризис нарастания мировой революции. Если наши шовинисты, проповедующие поражение Германии, требуют от ее рабочих восстания сразу, то мы, русские революционеры-интернационалисты, знаем по опыту 1905—1917 годов, что более внушительного признака нарастания революции, чем восстание в войсках, нельзя себе и представить.

Подумайте, в каком положении оказываемся мы теперь перед немецкими революционерами. Они могут сказать нам: мы имеем одного Либкнехкта, который открыто призвал к революции. Его голос задавлен каторжной тюрьмой. У нас нет ни одной газеты, открыто выясняющей необходимость революции, у нас нет свободы собраний. У нас нет ни одного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Наш голос едва-едва доходит до настоящих широких масс. И мы сделали попытку восстания, имея какой-нибудь один шанс из сотни. А вы, русские революционеры-интернационалисты, имеете за собой полгода свободной агитации, вы имеете де-

сятка два газет, вы имеете целый ряд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, вы победили в Советах обеих столиц, на вашей стороне весь Балтийский флот и все русские войска в Финляндии и вы не отвечаете на наш призыв к восстанию, вы не свергнете вашего империалиста Керенского, имея 99 шансов из ста за победу вашего восстания.

Да, мы будем настоящими изменниками Интернационала, если в такой момент, при таких благоприятных условиях, на такой призыв немецких революционеров ответим только... резолюциями.

Добавьте к этому, что мы все прекрасно знаем быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции. Задушить ее во что бы то ни стало, задушить ее и военными мерами и миром за счет России — вот к чему подходит международный империализм все ближе. Вот что особенно обостряет кризис мировой социалистической революции, вот что делает особенно опасным, я почти готов сказать: преступным с нашей стороны—промедление с восстанием.

Возьмите, далее, внутреннее положение России. Крах мелко-буржуазных соглашательских партий, выразивших бессознательное доверие масс к Керенскому с империалистами вообще, назрел вполне. Крах полный.—Голосование Советской курии на Демократическом Совещании против коалиции, голосование *большинства* местных Советов Крестьянских Депутатов (вопреки их Центральному Совету, где сидят Авксентьевы и другие друзья Керенского), — против коалиции,—выборы в Москве, где рабочее население наиболее близко к крестьянству и где *более* 49% голосовало за

большевиков (а среди солдат 14 тысяч из 17 тысяч), разве это не полный крах доверия народных масс к Керенскому и к соглашателям с Керенским и К°? Разве можно себе представить, чтобы народные массы как-нибудь яснее еще, чем этим голосованием, могли сказать большевикам: ведите нас, мы пойдем за вами?

А мы, получив таким образом большинство народных масс на свою сторону, завоевав оба столичных Совета, будем ждать. Ждать чего? Чтобы Керенский и его корниловцы-генералы сдали Питер немцам, войдя таким образом, прямо или косвенно, открыто или прикрыто, в заговор и с Бьюкененом и с Вильгельмом для полного удушения русской революции?

Мало того, что народ московским голосованием и перевыбором Советов выразил доверие к нам. Есть признаки роста апатии и равнодушия. Это понятно. Это означает не упадок революции, как кричат кадеты и их подголоски, а упадок веры в резолюции и выборы. Массы в революции требуют от руководящих партий дела, а не слов, победы в борьбе, а не разговоров. Близится момент, когда в народе может появиться мнение, что большевики тоже не лучше других, ибо они не сумели *действовать* после выражения нами доверия к ним.

По всей стране разгорается крестьянское восстание. Яснее ясного видно, что кадеты и кадетские прихвостни всячески умаляют его, сводят к «погромам» и «анархии». Эта ложь разрушается тем, что землю начали в центрах востания передавать крестьянам: никогда еще «погромы» и «анархия» к таким превосходным политическим результатам не приводили. Громадную силу крестьянского восстания доказывает то, что

и соглашатели и эс-эры в «Деле Народа» *и даже* Брешко-Брешковская заговорили о передаче земли крестьянам, чтобы притушить движение, пока оно окончательно не переросло им через голову.

А мы будем ждать, не удастся ли казачьим частям корниловца Керенского (как раз в последнее время самими эс-эрами разоблаченного в корниловщине) подавить *по частям* это крестьянское восстание.

Повидимому, многие руководители нашей партии не заметили *особого* значения того лозунга, который мы все признали и повторяли без конца. Этот лозунг: вся власть Советам. Бывали периоды, бывали моменты за полгода революции, когда этот лозунг *не* означал восстания. Может быть, эти периоды и эти моменты ослепили часть товарищей и заставили их забыть, что теперь и для нас, по крайней мере с половины сентября, этот лозунг *равносилен призыву к восстанию.*

На этот счет не может быть и тени сомнения. «Дело Народа» недавно «популярно» об'яснила это, сказав: «Ни в коем случае Керенский не подчинится». Еще бы!

Лозунг «вся власть Советам» есть не что иное, как призыв к восстанию. И вина ляжет на нас всецело, если мы месяцами звавшие массы к восстанию, к отказу от соглашательства, мы поведем эти массы на восстание накануне краха революции, после того как массы выразили нам доверие.

Кадеты и соглашатели запугивают примером 3—5 июля, ростом черносотенной агитации и т. п. Но 2—5 июля, если и была ошибка, то только та, что мы не взяли власти. Я думаю, этой ошибки не было тогда, ибо тогда мы *еще* не были в большинстве, а теперь это было бы роковой ошибкой и хуже чем ошибкой. Рост

черносотенной агитации понятен, как обострение крайностей в атмосфере нарастающей пролетарско-крестьянской революции. Но делать из этого довод *против* восстания смешно, ибо бессилие черносотенцев, подкупленных капиталистами, *бессилие черной сотни в борьбе* не требует даже доказательств. В борьбе это прямо ноль. В борьбе Корнилов и Керенский могут опираться только на дикую дивизию да казаков. А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того им извнутри их казачьих областей грозят гражданской войной крестьяне.

Я пишу эти строки в воскресенье, 8-го октября, вы прочтете их не раньше 10-го октября. Я слышал от одного проезжего товарища, что проезжающие по Варшавской дороге говорят: Керенский ведет казаков на Питер. Вполне вероятно, и будет прямой нашей виной, если мы *всесторонне* не проверим этого и не *изучим* силы и распределение *корниловских войск второго призыва*.

Керенский снова подвел корниловские войска под Питер, чтобы помешать передаче власти Советам чтобы помешать немедленному предложению мира этой властью, чтобы помешать передаче всей земли крестьянству, чтобы сдать Питер немцам, а самому удрать в Москву. Вот лозунг восстания, который мы должны пустить в обращение как можно шире и который будет иметь громадный успех.

Нельзя ждать Всероссийского С'езда Советов, который Центральный Исполнительный Комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска. На С'езде Советов представлена Финляндия, флот и

Ревель, которые, вместе взятые, могут дать немедленное движение к Питеру против корниловских полков, движение флота и артиллерии и пулеметов и 2—3 корпусов солдат, доказавших, например, в Выборге, всю силу их ненависти к корниловским генералам, с коими опять снюхался Керенский.

Было бы величайшей ошибкой отказаться от возможности немедленно разбить корниловские полки второго призыва из-за того соображения, что Балтийский флот, уходя в Питер, откроет будто бы этим фронт немцам. Клеветники-корниловцы скажут это, как скажут всякую ложь вообще, но давать запугать себя ложью и клеветой недостойно революционеров. Керенский сдаст Питер немцам, вот что яснее ясного теперь, никакие заверения в обратном не устранят нашей полной уверенности в этом, вытекающей из всего хода событий и всей политики Керенского.

Керенский и корниловцы сдают Питер немцам. Именно для спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть *Советам обеих столиц*. Эти Советы тотчас предложат мир всем народам и выполнят этим свой долг перед немецкими революционерами, сделают этим решительный шаг к разрыву преступных заговоров против русской революции, заговоров между народного империализма.

Только немедленное движение Балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию. И такое движение имеет 99 шансов из ста привести в *несколько дней* к сдаче одной части казачьих войск, к полному разгрому другой части, к свержению Керенского, ибо

рабочие и солдаты обеих столиц поддержат такое движение.

Промедление смерти подобно.

Лозунг „вся власть Советам“ есть лозунг восстания. Кто употребляет такой лозунг, не сознавая этого, не продумав этого, пусть пеняет на себя. А к восстанию надо уметь отнестись как к *искусству*—я настаивал на этом во время Демократического Совещания и настаиваю теперь, ибо *этому* учит марксизм, этому учит все теперешнее положение в России и во всем мире.

Дело не в голосованиях, не в привлечении „левых эс-эров“, не в добавлении провинциальных Советов не в с'езде их. Дело в восстании, которое *может* и должно решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. *Под Питером* и в Питере—вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее.

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть.

Промедление смерти подобно.

Н. Ленин.

8 октября 1927 г.

Н. Ленин. Собр. Соч., т. XX, ч. II, стр. 165—170.

ОТДЕЛ II.

Партия принимает решение о восстании.

ЦК партии принимает резолюцию Ленина о восстании.

23/10 октября ЦК принял предложение Ленина о восстании. Против этого решения голосовали т.т. Каменев и Зиновьев. Мы печитаем только четвертый пункт протоколов, потому что первые три пункта были посвящены обсуждению не относящихся к теме вопросов.

Протокол заседания ЦК от 23 (10) октября 1927 года.

Прис[утствуют]: Лен[ин], Зин[овьев], Кам[енев], Тр[оцкий], Ст[алин], Св[ердлов], Ур[ицкий], Дзерж[инский], Кол[онтай], Буб[нов], Сок[ольников], Лом[ов].

Предс[едательствует] Свердл[ов].

4. Текущий момент.

Слово получает Лен[ин] *).

Констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг**) о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на технич[ескую] сторону вопроса.

---

*) Тщательно зачеркнута фамилия Ленина.

**) Зачеркнуто «вопрос».

Теперь же, повидимому, время значительно упущено

Тем не менее вопрос стоит очень остро и решительный момент близок.

Положение междунар[одное] таково, что инициатива должна быть за нами.

То, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей Питера, еще более вынуждает нас к решит[ельным] действиям.

Политич[еское] положение также внушительно действует в эту сторону. [16—18] 3 — 5 июля решит[ельные] действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш под'ем идет гигантскими шагами.

Абсентеизм и равнодушие масс можно об'яснить тем, что массы утомились от слов и резолюций.

Большинство теперь за нами.

Политически дело совершенно созрело для перехода власти. Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян. Политическая обстановка, таким образом, готова. Надо говорить о технич[еской] стороне. В этом все дело. Между тем мы вслед за оборонцами склонны систематич[ескую] подготовку восстания считать чем-то вроде политич[еского] греха.

Ждать до Учредит[ельного] собрания, к[оторо]е явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

[Северным] областным с'ездом [Советов] и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий.

Тов. Ломов берет слово для информации о позиции М[осковского] обл[астного] бюро и МК, а также о положении в Москве вообще.

Тов. Урицкий констатирует, что мы слабы не только в технич[еской] части, но и во всех других сторонах нашей работы. Мы выносили массу резолюций. Действий решительно никаких. Петроградский совет дезорганизован, мало собраний и пр.

На какие силы мы опираемся?

40.000 винтовок есть в Петрограде у рабочих, но это не решает дела; это—ничто.

Гарнизон после июльских дней не может внушать больших надежд. Но во всяком случае, если держать курс на восстание, то нужно действительно что-либо делать в этом направлении. Надо *решиться* на действия определенные.

Тов. Свердлов информирует о том, что ему известно о положении дел во всей России.

Тов. Дзержинский предлагает создать для политического руководства на ближайшее время политическое Бюро из членов Ц. К.

После обмена мнений предложение принимается. Политическое бюро создается из 7 чел. (редакция + двое + Бубнов).

Принимается резолюция в следующем виде:

Ц. К. признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза миру империалиалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненно решение русской буржуазии и Керенского и Ко сдать

Питер немцам),—так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, ясное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.)—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, Ц. К. предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (с'езда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и т. д.).

Высказываются за 10, против 2.

Затем ставится вопрос о создании политич[еского] бюро Ц. К. Решено образовать Бюро из 7 чел.: Лен[ин], Зин[овьев], Кам[енев], Тр[оцкий[, Стал[ин], Сок[ольников], Бубн[ов].

«Пролет. Революция» № 10, за 1927 г., стр. 261—264.

Партийные организации о подготовке восстания.

Вслед за постановлением ЦК о подготовке восстания соответствующие решения принимаются Московским Областным Бюро и Петербургским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. (б).

Протокол заседания Московского Областного Бюро РСДРП(б), состоявшегося 27 (14) октября 1917 года.

Присутствуют Ломов, Стуков, Кизильштейн, Осинский, Альперович, Манцев, Яковлева с решающим голосом и Максимовский, Сафонов и Янышев с совещательным голосом.

Председательствует Стуков.

Порядок дня принимается следующий:

1. Доклад о заседании Ц. К. 10 октября с. г.
2. О проведении в жизнь резолюции Ц. К. 10 окт.

1. Доклад о заседании Ц. К. 10 окт.

Яковлева делает краткий доклад о заседании Ц. К. 10 октября, на котором она присутствовала в качестве председателя Московской Областной организации и оглашает принятую на этом заседании революцию.

Без всяких прений Обл. Бюро целиком присоединяется к резолюции Ц. К., ибо она вполне совпадает с принятой на пленуме 26 — 29 сентября резолюцией.

2. О проведении в жизнь резолюции Ц. К. от 10 октября.

Здесь в процессе прений выдвигается прежде всего два общих вопроса, которые затем разрешаются следующим образом.

1. Считая желательным и в высшей степени необходимым общее выступление, Обл. Бюро предлагает местным организациям связать начало своего выступления с выступлением в центре. Но вместе с тем оно рекомендует им отныне все назревающие на местах конфликты (о выводе войск, разоружении гарнизонов и т. д.) разрешать не компромиссным путем, как это стремились делать до сих пор, но не останавливаться перед конфликтом с представителями центральной власти,—в тех, однако, случаях, когда такой открытый конфликт не грозит перейти в кровавое столкновение, допустимое лишь в условиях и в интересах общего выступления.

2. В тех местах нашей области, где власть фактически принадлежит уже Советам, но юридически еще не оформлена, как таковая, Обл. Бюро рекомендует местным организациям повести кампанию за провозглашение власти Совета единственной властью данного места,—опять-таки, если это не грозит таким кровавым столкновением, которое допустимо лишь в условиях общего выступления.

Далее Обл. Бюро постановляет довести резолюцию ЦК и два вышеприведенных постановления Обл. Бюро до сведения крупнейших организаций области путем об'езда, инструктировать их самым подробным образом, принимая во внимание все местные особенности и условия, собрать целый ряд сведений военно-технического характера, чтобы на случай выступления в Москве знать, на помощь каких частей можно рассчитывать, рекомендовать создание на местах рабочих центров по типу, который рекомендовался Обл. Бюро в корниловские дни. Крупные организации должны послать своих представителей в организации более мелкие той же губернии. Организации Владимирской губернии будут извещены Стуковым, который должен поехать на губернский Владимирский С'езд Советов 16 сентября. Из Нижнего-Новгорода должен быть телеграфом вызван Бабушкин, которому и поручить сделать все необходимое в пределах Нижегородской губернии.

В Смоленск и Вязьму отправился Кизильштейн, который в Смоленске же организует об'езд других пунктов Смоленской губернии.

В Тверскую губернию комадируется Альперович.

Из Костромской губернии телеграфно вызывается Нацаренус.

Максимович едет в Бежецкий район, по пути заезжает в Тулу, Орел и Брянск.

В Рязанскую губернию командируется Манцев, в Тамбовскую—Сафонов, в Ярославскую - Янышев.

Затем Обл. Бюро приходит к заключению, что необходимо составить ряд условных, невинного содержания телеграмм (для каждого крупного центра—отдельную), которые будут посланы секретариатом в тот момент, когда в центрах начнется решительное выступление, и которые послужат и на местах сигналом к выступлению. Телеграммы эти тотчас же составляются и распределяются между отправляющимися в об'езд товарищами, копии передаются секретарю на хранение.

Затем для координации действий в момент выступления и для руководства выступлением Обл. Бюро постановляет создать партийный боевой центр в составе двух представителей от Обл. Бюро, двух от Моск. К-та и 1—от Моск. Окружного Комитета.

Задача этого центра будет состоять в том, чтобы руководить работами и действиями наших товарищей, входящих в Советский боевой центр Моск. Совета, и чтобы об'единить всю работу в момент выступления во всей области. Центр этот должен обладать диктаторскими полномочиями.

Своими представителями в этот партийный центр Обл. Бюро выбирает Стукова и Осинского, кандидатом—Ломова.

Затем Обл. Бюро переходит к составлению особой таблицы для наиболее крупных центров нашей области, в которой собраны сведения военно - технического характера, как то: состав Советов Раб. и Солд. депутатов, настроение гарнизона, численность гарнизона,

вооружение его, наличность в составе гарнизона специальных частей, сведения об артиллерии, о снарядных заводах, артиллерийских складах и т. п.

По возвращении из об'езда товарищей эта таблица должна быть исправлена и пополнена теми сведениями, которые они привезут.

За Председателя **А. Ломов.**

Секретарь **В. Яковлева.**

«Пролет. Революция» № 10 за 1922 г.

Петербургский Комитет большевиков о восстании.

На заседании ПК 28(15) октября обсуждалась резолюция ЦК от 23(10) октября и письмо Каменева—Зиновьева против восстания (см. ниже). ПК присоединился к политической резолюции ЦК и принял решение о следующих практических мерах по подготовке восстания:

I. Для приспособления массовой агитации к условиям данного момента необходимо:

1) немедленно созвать совещание всех активных районных работников для выяснения приемов и лозунгов текущей агитации;

2) составить и распространить тезисы для руководства всем заводским и районным и центральным агитаторам, работающим при Петроград. Орг[анизации];

3) принять срочные меры для издания вечерней газеты с целями—повседневной боевой агитации.

II. С целью приведения организационного аппарата в соответствующий запросам момента (обострение борьбы до крайних пределов) порядок необходимо:

1) рекомендовать районам немедленно же улучшить способы сношения с фабрично-заводскими комитетами и с секретариатом Ц[ентрального] К[омитета];

2) организовать сеть дежурств в центре и на местах, сначала в меньшем, а затем в наиболее развернутом масштабе;

3) выделить из состава Ц[ентрального] К[омитета] узкое ядро из представителей от районов (один представитель от района);

4) устроить боевой технически-информационный центр при районном комитете.

5) Исп[олнительная] Ком[иссия] и делегатское совещание в районах;

6) улучшить сношения с жел[езно]-дорожн[ыми] и почтово-телеграфн[ыми] служащими и со всеми массовыми рабочими организациями (професс[иональными] союзами и пр.);

7) ускорить перевыборы П[етербургского] К[омитета];

8) усилить агитацию и ускорить работу по массовому обучению рабочих, умеющих владеть оружием;

9) усилить связь партийных районов с солдатскими частями.

ЦК партии, совместно с партийными организациями подтверждает решение о подготовке восстания.

29(16) октября состоялось заседание ЦК партии, подтвердившее решение, принятое ЦК 23(10) октября. Печатаем основные выступления сторонников восстания — т.т. Ленина, Сталина и Свердлова — и противников его — Каменева и Зиновьева.

Заседание [29] 16/X Ц[ентрального] к[омитета] РСДРП, И[сполнительной] к[омиссии] П[етроградского] к[омитета], в[оенной] о[рганизации], П[етроградского] с[овета], п[рофессиональных] с[оюзов], ф[абрично]-з[аводских] к[омитетов], ж[елезно]д[орожников], П[етроградского] о[кружного к[омитета].

Пред[седательствует т.] Св[ердлов].

Тов. С[вердлов] предлагает порядок дня:

1) Доклад о прошлом собрании ЦК.
2) Краткие доклады представит[елей].
3) Текущий момент.

I. Доклад о прошлом собрании ЦК-та.

Тов. Л[енин] оглашает резолюцию, принятую ЦК на предыдущем собрании. Сообщает, что резолюция была принята против 2-х голосов. Если возражавшие товарищи пожелают высказаться, то можно развернуть прения, пока же мотивирует эту резолюцию.

Если бы партия м[еньшеви]ков и эсеров порвали бы с соглашательством, можно было [бы] предложить им компромисс; это предложение было сделано, но ясно было, что данными партиями этот компромисс был отвергнут. С другой стороны, к этому периоду уже ясно определилось, что массы идут за нами. Это было еще до корниловщины; в доказательство приводит статистику выборов в Питере и в Москве.

Корниловщина же еще решительней толкнула массы к нам. Соотношение сил на Демокр[атическом] совещании. Положение ясное. Либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться об'ективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной и в борьбе с разрухой. Если в основу положить политический анализ революции, то совершенно ясным станет, что даже анархические выступления теперь подтверждают это.

Далее анализирует положение в Европе и доказательства, что там революция еще труднее, чем у нас: если в такой стране, как Германия, дело дошло до восстания во флоте [2], то это доказывает, что и там дело уже очень далеко дошло. Положение международное дает нам ряд об'ективных данных, что, выступая теперь, мы будем иметь теперь на своей стороне всю пролетарскую Европу; доказывает, что буржуазия хочет сдать Питер. От этого мы только можем спасти, только взяв Петроград в свои руки. Из всего этого ясен вывод, что на очереди то в[ооруженное] в[осстание], о котором говорится в резолюции ЦК.

Что касается практических выводов из резолюции, то их удобнее сделать после заслушания докладов представителей центров.

Из политического анализа классовой борьбы в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может двинуть только в[ооруженное] в[осстание].

III. О текущем моменте.

Тов. *Милютин* считает, что на основании всех докладов нужно более конкретизировать резолюцию. Полагает, что лозунг „Вся власть Советам" уже вполне назрел, особенно в провинции, где местами власть фактически в руках Советов. Вопрос действ[ительно] не идет об агитации, нужны уже дела, а не слова. Вопрос решается не настроениями, не бюллетенями, а организованными силами. Либо мы делаем первый шаг, либо этот шаг будет сделан нашими врагами. В резолюции недостаточно учтена возможность второй перспективы, т.-е. возможность не восстания, которое

предполагает нашу инициативу, но столкновения, которое является результатом *об'ект[ивных]* условий. Сам полагает, что мы не готовы для нанесения первого удара.

Низложить, арестовать в ближайшие дни власть мы не можем.

Встает другая перспектива: вооруженное столкновение; доказывает, что оно нарастает, возможность его приближается. И к этому столкновению мы должны быть готовы. Но эта перспектива отлична от восстания. Считает нужным развернуть резолюцию в этом смысле.

Тов. *Л[енин]* полемизирует с Мил[ютиным] и Шот[маном] и доказывает, что дело не в вооруженных силах, дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой. Не видит пессимизм[а] в том, что здесь говорилось. Доказывает, что силы на стороне буржуазии не велики. Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем. Почему ЦК не может начать? Это не вытекает из всех данных. Чтобы отбросить резолюцию ЦК, надо доказать, что разрухи нет, что международн[ое] положение не приводит к осложнениям. Если проф[ессиональные] деятели требуют всей власти, то они отлично понимают, чего хотят. Об'ективные условия доказывают, что крестьянство нужно вести, за пролетариатом оно пойдет.

Боятся того, что мы не удержим власть, но у нас именно теперь особенные шансы удержать власть.

Выражает пожелание, чтобы дебаты велись в плоскости обсуждения резолюции по существу.

Т. Григорий (Зиновьев). Повидимому резолюция воспринимается не как приказ, иначе по ней нельзя было бы высказаться.

По существу же выражает сомнение, обеспечен ли успех восстания. Прежде всего [не] в наших руках железнодор[ожный] и торгово-промышлен. аппарат. Влияние ЦИК достаточно сильно еще.

Вопрос решится первым же днем и в Питере, ибо в противном случае начнется деморализация. На подкрепления из Финляндии и Кронштадта рассчитывать не приходится, А в Питере мы не имеем уже такой силы. Кроме того у наших врагов громадный организационный штаб.

Наш трезвон за последнее время неправилен даже с точки зрения резолюции ЦК. Ибо зачем нам давать подготовиться. Настроение на заводах теперь не таково, как было в июне. Ясно, что теперь не такое настроение, как было в июне.

Говорят, мы находимся в таком положении, что выхода нет, я думаю, что такого еще положения нет. Я думаю, что у нас неправильное отношение к Учред [ительному] Собранию. Конечно на него нельзя смотреть как на всеспасающее, но У[чередительное] С[обрание] произойдет в высшей степени [в] революционной атмосфере. За это время мы будем крепнуть. Не исключена возможность, что мы там будем с левыми эсерами в большинстве. Не может быть, чтобы крестьянин колебался в вопросе о земле. Я стоял за выход из предпарламента, но не думаю, что эта масса никогда не пойдет за нами. Говорит о международ[ных] отношениях и доказывает, что и перед международн[ым] пролетариатом мы тоже обязаны величайшей осторожностью: наше влияние все растет. Ждать сдачи Питера до Учр[едительного] Собр[ания] не приходится. Мы не имеем права рисковать ставить на карту все.

Я предлагаю: если [2/XI] 20-го состоится с'езд, мы должны ему предложить не раз'езжаться до того момента, пока не соберется Учр[едительное] Собр[ание]. Должна быть оборонительно-выжидательная тактика на фоне полного бездействия Временного правительства. Нельзя ставить себя в положение полной изолированности. Учр[едительное] собрание тоже не освобождает от гражданской войны, но оно является очень серьезным этапом. Нужно пересмотреть резолюцию ЦК, если это возможно. Мы должны сказать себе прямо, что в ближайшие 5 дней мы не устраиваем восстания.

Тов. Каменев. С принятия резолюции прошла неделя, и эта резолюция потому и показывает, как нельзя делать восстания: за эту неделю ничего не было сделано, и только испорчена та диспозиция, которая должна была бы быть. Недельные результаты говорят за то, что данных за восстание теперь нет. Нельзя говорить, что резолюция только возбудила мысль, она требовала перехода от слов к делу. А этого нет. Аппарата восстания у нас нет; у наших врагов этот аппарат гораздо сильнее и, наверное, за эту неделю еще возрос. Доказывает, что у нас за эту неделю ничего не сделано ни в военно-техническом смысле, ни в продовольственном. Этой резолюцией, однако, дана была возможность сорганизоваться правительству. Вся масса, которая теперь не с нами, находится на их стороне. Мы их усилили за наш счет. Вопрос серьезнее, нежели в июльские дни. Социально говоря, кризис назрел, но нет никаких доказательств, что мы должны дать бой до 20-го. Вопрос не стоит так: или сейчас, или никогда, — я больше верю в русскую революцию; социальные битвы перед нами стоят и, готовясь к Учр[еди-

тельному] собранию, мы вовсе не становимся на путь парламентаризма. Мы недостаточно сильны, чтобы с уверенностью в победе итти на восстание, но мы достаточно сильны, чтобы не допустить крайних проявлений реакции. Здесь борются две тактики: тактика заговора и тактика веры в движущие силы русской революции.

Сталин. День восстания должен быть целесообразен. Только так надо понимать революцию.

Можно говорить, что нужно ждать нападения, но надо понимать, что такое нападение, повышение цен на хлеб, посылка казаков в Дон[ецкий]р[айон] и т. п. все это уже нападение. До каких же пор ждать, если не будет военного нападения? То, что предлагают Кам[енев] и Зин[овьев], это об'ективно приводит к возможности контрревол[юции] сорганизоваться: мы без конца будем отступать, и проиграем всю революцию. Почему бы нам не предоставить себе возможности выбора дня и условий, чтобы не давать возможности сорганизоваться контрреволюции. Переходя к анализу международных отношений доказывает, что теперь больше веры должно быть. Тут 2 линии: одна линия держит курс на победу революции и опирается на Европу, вторая не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозици[ей]. Петр[оградский Совет уже встал на путь восстания, отказав[шись] санкционировать вывод войск. Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского.

Т. Свердлов. Характеризует революцию. С одной стороны то был приказ, — но правильно, что вопрос из области политической перешел в область техническую. Говорит о контрреволюционной подготовке. Полемизирует с каменевск[им] утверждением, что сла-

бая сторона революции—ее практич[еская] неосуществленность до сих пор. Отсюда вывод, что нужно предпринять более энергичную работу. Говорить о том, что большинство против нас—не приходится, оно только еще не за нас. В Питере же сила наша; юнкера не страшны, особенно, если мы выступим первые. Не разделяет того пессимист[ического] настроения к гарнизону, которое здесь проявилось. Соотношение сил в нашу пользу. Резолюции отменить не приходится, но внести коррективы, что техническая подготовка должна быть энергичнее.

Ле[нин]. Если бы все резолюции так проваливались бы, то лучшего желать нельзя было бы. Теперь Зинов[ьев] говорит так, что лозунг—власть советам—долой, и давит на правительство. Если говорить, что восстание народов, то говорить о заговорах не приходится. Если политически восстание неизбежно, то нужно относиться к восстанию как к искусству. А политически уже оно назрело.

Именно потому, что хлеба только на день, мы не можем ждать Уч[редительного] Собран[ия]. Предлагает резолюцию подтвердить, к подготовке решительно готовиться и [предоставить] Ц. К. и Сов[етам] решить когда.

[*Тов.*] *Зиновьев*. Сравнивали революцию эту с революцией Февральской. Сравнивать нельзя, ибо тогда ничего не было на стороне старой власти, а теперь война всему буржуазному миру. Лозунг „власть Советам“ не ставился нами абстрактно. Ели с'езд будет давить на Учр[едительное] Собр[ание], то этого нельзя сравнивать с меньшевистской политикой. Если восстание ставится как перспектива, то возражать нельзя,

но если это—приказ на завтра или послезавтра, то это—авантюра. Пока не с'ездутся наши товарищи и мы не посоветуемся, мы не должны начинать восстания.

[*Тов.*] *Каменев* доказывает, что нынешняя интерпретация резолюции есть отступление, ибо раньше говорили, что выступление должно быть до 20-го, а теперь говорят о курсе на революцию. Вопрос поставлен политически. И назначение восстания есть авантюризм. Мы обязаны раз'яснить массам, что в эти 3 дня на выступление не зовем, но и считаем, что восстание неизбежно.

Предлагает проголосовать резолюцию и поставить предложение о том, чтобы в ЦО было напечатано, что до с'ездов к выступлениям не зовут.

[*Тов. Ленин*] возражает Зиновьеву, что нельзя противопоставить эту револ[юцию] револ[юции] Февр[альской].

По существу предлагает резолюцию (в приложении).

Зиновьев отвечает Лен[ину] относит[ельно] Февр[альской] революции. В историю нашей партии эти два месяца не войдут худшей страницей. По существу предлагает свою резолюцию (в приложении).

Голосуется резолюция тов. Ленина. В основу. За 20, против 2, [*возд*]*ержалось 3. Поправка т. Милютина заменить словом «вооружен*[*ное*] [*столкновение*»] *отклонена. Поправка т. Скрыпника отбросить слова «выражая уверенность» и т. д. отклонена.*

Поправка т. Фенигштейна заменить слово «наступление» словом «выступление» отклонена.

Поправку [*вносит*] *т. Володарский.*

Резолюцию т. Зиновьева внести в форме поправки к принятой резолюции. Отклонена.

Резолюция в целом.

За — 19; 2 — против; возд[ержалось] 4.

Резолюция т. Зиновьева: за—6; против—15; возд[ержалось]—3.

ЦК заседает один и принимает следующее постановление: ЦК организует военно-революционный центр в следующем составе:

Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного советского комитета.

Приложения.

...

[1.]

Мы настоятельно требуем немедленного телеграфного созыва пленума ЦК.

Г. Зиновьев.
Ю. Каменев.

[29] 16/X 1917 г.

[2.]

В ЦК РСДРП.

Не имея возможности защищать точку зрения, выразившуюся в последних решениях ЦК и определяющую весь характер его работ, и находя, что эта позиция ведет партию и пролетариат к поражению, — прошу ЦК считать, что я более членом ЦК не состою.

[29] 16/X 1917 г.

Ю. Каменев.

[3.]

[Резолюция тов. Ленина, принятая ЦК 29 (16) октября].

Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого ЦК'ом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления.

[4.]

[Резолюция тов. Зиновьева, отклоненная ЦК 29 (16) октября].

Не откладывая разведочных подготовительных шагов, считать, что такие выступления впредь до совещания с большевистской частью Советов недопустимы.

„Пролет. Революция", № 10 за 1927 г., стр. 272—286.

Письмо Ленина к руководящим кругам партии.

После принятия ЦК решения о восстании, Ленин обращался с рядом писем в ЦК и в местные парт. организации с требованием брать власть. Приводим письмо, написанное им в ночь перед восстанием, 6 ноября (24 октября).

Товарищи!

Я пишу эти строчки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, кото-

рые не совещаниями решаются, не с'ездами (хотя бы даже С'ездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывают, что ждать нельзя. Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не с'езда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от Корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй Корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас не важно: пусть возьмет ее Военно-Революционный Комитет „или другое учреждение", которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложением мира тотчас), интересов крестьян (взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в В.-Революционный Комитет, в ЦК б-ков, настоятельно требуя ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом — решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибельно или формальностью ждать колебающегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой, народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит *спасение революции*, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало.

Промедление в выступлении смерти подобно.

Н. Ленин. Собр. Соч. т. XX, ч. 2, стр. 173—175.

ОТДЕЛ III.

Зиновьев и Каменев пытаются сорвать решение партии о восстании.

Письмо Каменева м Зиновьев «К текущему моменту»

Потерпев поражение на заседании ЦК партии 23(10) октября, т.т. Каменев и Зиновьев обратились к крупнейшим партийным организациям с письмом, в котором доказывали, что восстание обречено на поражение, что его не поддержит крестьянство, что «только рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным... взять власть в свои руки». Это письмо было передано ими в ЦК партии со следующим заявлением:

Ув(ажаемые) т(оварищи!).

На последнем заседании ЦК мы остались в меньшинстве и вдвоем голосовали против принятых тезисов. В виду важности вопроса мы сочли нужным изложить в особом прилагаемом при сем заявлении краткое резюме произнесенных нами на заседании речей и просим вас приложить это наше заявление к протоколам собрания. Мы считаем своим долгом познакомить Петр(оградский) ком(итет), Моск(овский) ком(итет), Моск(овский) обл(астной) ком(итет и обл(астной) Фин(ляндский ком(итет) с этим нашим заявлением. Форма, приданная нашему заявлению, вам, конечно, будет понятна без пояснений.

Г. Зиновьев.

Ю. Каменев.

Петроградскому, Московскому, Московскому Областному, Финляндскому Областному комитетам Р. С.-Д. Р. П., Бюро Фракции ЦИК, Бюро Фракции С'езда Советов Северной Области.

К текущему моменту.

В связи со всей политической обстановкой—уход большевиков из предпарламента поставил перед нашей партией вопрос—что же дальше?

Складывается и растет в рабочих кругах течение, видящее единственный выход в немедленном об'явлении вооруженного восстания. Все сроки сошлись теперь так, что если говорить о таком восстании, его приходится уже прямо назначать и притом на ближайшие дни. В той или иной форме этот вопрос уже обсуждается во всей современной печати, на рабочих собраниях и занимает внимание у немалого круга партийных работников. Мы, в свою очередь, считаем своим правом, своим долгом высказываться по этому вопросу с полной откровенностью.

Мы глубочайше убеждены, что об'являть сейчас вооруженное восстание—значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции.

Нет никакого сомнения: бывают такие исторические положения, когда угнетенному классу приходится признать, что лучше итти на поражение, чем сдаться без бою. Находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении? *Нет и тысячу раз нет.*

В результате громадного роста влияния нашей партии в городах и особенно в армии в настоящий момент сложилось такое положение, что сорвать Учредительное Собрание для буржуазии становится делом все более

невозможным. Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии: буржуазия поставлена в такое положение, что если бы она вздумала сделать попытку сорвать теперь Учредительное Собрание, она опять толкнула бы мелко-буржуазные партии к нам, и курок револьвера был бы спущен.

Шансы нашей партии на выборах в Учредительное Собрание превосходны. Разговоры о том, что влияние большевизма начинает падать и тому подобное, мы считаем решительно ни на чем не основанным. В устах наших политических противников эти утверждения—простой прием политической игры, рассчитанный именно на то, чтобы вызвать выступление большевиков в условиях, благоприятных для наших врагов. Влияние большевизма растет. Целые пласты трудящегося населения только еще начинают захватываться им. При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном Собрании. Позиция мелко-буржуазных партий в Учредительном Собрании не сможет быть во всем такой, какой она является сейчас. Прежде всего отпадает их лозунг «с землей, со свободой жди Учредительного Собрания», а обострение нужды, голода, крестьянского движения будет все больше на них давить и заставлять их искать союза с пролетарской партией против помещиков и капиталистов, представленных партией кадет.

Учредительное Собрание само по себе не может, конечно, изменить реального соотношения общественных сил, но оно уничтожит нынешнее маскирование этого соотношения. Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены. Уже теперь в ряде мест Советы фактически осуществляют власть. Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное

Собрание. Учредительное Собрание и Советы—вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем. На этой базе политика нашей партии приобретает громадные шансы на действительную победу.

Мы никогда не говорили, что русский рабочий класс о д и н, собственными силами, способен победоносно завершить нынешнюю революцию. Мы не забывали, не должны забыть и теперь, что между нами и буржуазией стоит громадный третий лагерь: мелкая буржуазия. Этот лагерь присоединился к нам в дни корниловщины и дал нам победу. Он будет присоединяться к нам еще не раз. Нельзя позволять гипнотизировать себя тем, что есть в данный момент. Несомненно, сейчас лагерь этот стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам. Но нынешнее положение не вечно и не прочно. И только неосторожным шагом; каким-нибудь необдуманным выступлением, ставящим всю судьбу революции в зависимости от немедленного восстания, пролетарская партия толкнет мелкую буржуазию в об'ятия Милюкова *надолго*.

Говорят: 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы, ни то, ни другое не верно, и в этом все дело.

В России за нас большинство рабочих и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом. Мы все уверены, например, что если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное Собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эсеров. Что же, это случайность? Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира. Это крайне важное обстоятельство, не учтя которого мы рискуем все наши расчеты построить на песке. Если мы, взявши власть сейчас одни, придем (в силу всего мирового положения) к необходимости

вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет. В том-то и заключается преступность империалистического правительства, что, обслуживая интересы русской и союзной буржуазии, оно в корне подорвало хозяйственные силы, дезорганизовало ее и тем самым все больше отнимает у революционного народа возможность защищаться от аппетитов мирового империализма методами революционной войны. После сорока месяцев империалистской войны, в разоренной господством мародеров стране, с созданной царизмом и продолженной господством буржуазии разрухой, измученные солдаты все менее способны провести победоносную революционную войну против союза всего международного капитализма.

Те же делегаты с фронта, которые теперь ведут такую агитацию против войны, прямо просят наших ораторов не говорить о революционной войне, ибо это оттолкнет солдат. Это крайне важный симптом.

Несомненно, пролетарское правительство немедленно перешло бы к тому, что возложило бы экономические тяготы войны на буржуазию,—оставило бы буржуазии «только корки хлеба» и «сняло бы с нее сапоги». Это должно поднять энтузиазм в массе. Но это еще не дает гарантии победы над германским империализмом в революционной войне. Нынешняя Россия, позволившая, вопреки рабочему классу, истощать себя империалистской войной, все-таки осталась бы страной сравнительно отсталой техники с подорванной системой железных дорог, без товаров, без необходимого военно-технического оборудования и т. д.

Взявши власть, рабочая партия, несомненно, нанесет тем удар Вильгельму. Ему станет труднее вести войну

против революционной России, предлагающей немедленный демократический мир. Это так. Но настолько ли силен будет в данных обстоятельствах, после Риги и т. д., этот удар, чтобы отвести от России руку германского империализма? Если сепаратные переговоры между германским и английским империализмом начались,—а это почти несомненно,—то не поведет ли он их дальше и после нашей победы, не удастся ли Вильгельму и тогда прийти в Питер? Где же те данные, которые говорят за то, что пролетарская партия,—одна, при противодействиях мелко-буржуазной демократии,—должна взять теперь на себя *и только на себя* ответственность за подобное положение и неизбежные последствия?

И тут мы подходим ко второму утверждению, что международный пролетариат будто бы уже сейчас в своем большинстве за нас. Это, к сожалению, не так. Восстание в германском флоте имеет громадное симптоматическое значение. Предвестники серьезного движения существуют в Италии. Но отсюда до сколько-нибудь активной поддержки пролетарской революции в России, об'являющей войну всему буржуазному миру, еще очень далеко. Переоценивать силы крайне вредно. Нам, несомненно, много дано и с нас много спросится. Но если мы сейчас, поставивши все на карту, потерпим поражение, мы нанесем жестокий удар и международной пролетарской революции, нарастающей крайне медленно, но все же, несомненно, нарастающей. А, между тем, только рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным без всяких колебаний немедленно взять власть в свои руки. В этом же заключается и единственная гарантия победоносности восстания пролетариата в России. Это придет, но сейчас этого еще нет.

Какая же перспектива рисуется нам на ближайшее будущее? Наш ответ таков.

Разумеется, наш путь зависит не только от нас одних.

Противник может принудить нас принять решительный бой до выборов в Учредительное Собрание. Попытки новой корниловщины, конечно, не оставят нам и выбора. Мы, разумеется, будем единодушны в единственно возможном тогда решении. Но тогда и значительная часть мелко-буржуазного лагеря наверняка опять поддержит нас. Бегство правительства в Москву толкнет мелкобуржуазную массу к нам. И тогда будут созданы условия для нашей победы, тогда не мы будем разбиты, а разбиты будут наши противники. Но поскольку выбор зависит от нас, мы можем и должны теперь ограничиться *оборонительной позицией.*

Временное Правительство бессильно провести в жизнь свои контрреволюционные намерения. Оно распатано. Силы солдат и рабочих достаточны, чтобы не дать осуществиться таким планам. Керенского и компании. Крестьянское движение еще только начинается. Массовое подавление крестьянского движения кадетам не может удаться при нынешнем настроении армии. Подделать выборы в Учредительное Собрание Временное Правительство бессильно. Сочувствие к нашей партии будет расти. Блок с меньшевиками и эсерами будет распадаться. В Учредительном Собрании мы будем настолько сильной оппозиционной партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу, либо мы составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и пр. правящий блок, который в основном должен будет проводить нашу программу. Таково наше мнение.

Перед историей, перед международным пролетариатом, перед русской революцией и российским рабочим классом—мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее. Ошибкой было бы думать, что теперь подобное выступление в случае неудачи привело бы только к тем последствиям, как 3—5 июля Теперь дело идет о большем. Дело идет о решительном бое, и поражение в *этом бою* было бы поражением революции.

Такова общая обстановка. Но всякий, не желающий только говорить о восстановлении, обязан трезво взвесить и шансы его. И здесь мы считаем долгом сказать, что в данный момент всего вреднее было бы недооценивать сил противника и переоценивать свои силы. Силы противника больше, чем они кажутся. Решает Петроград, а в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены значительные силы: пять тысяч юнкеров, прекрасно вооруженных, организованных, желающих, в силу своего классового положения, и умеющих драться, затем штаб, затем ударники; затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная часть артиллерии, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью ЦИК почти наверняка попробуют привести войска с фронта. Пролетарской партии в данный момент пришлось бы драться при совсем другом соотношении сил, чем в дни корниловщины. Тогда мы дрались вместе с эсерами, меньшевиками и отчасти даже вместе со сторонниками Керенского. Теперь же пролетарской партии пришлось бы драться против черносотенцев плюс кадеты, плюс Керенский и Временное Правительство, плюс ЦИК (эсеры и меньшевики).

Силы пролетарской партии, разумеется, очень значительны. Но решающий вопрос заключается в том, дей-

ствительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет. Сами сторонники выступления заявляют, что настроение трудящихся и солдатских масс отнюдь не напоминает хотя бы настроений перед 3 июля. Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого, рвущего на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой и те крупнейшие и важнейшие организации (железнодорожные и почтово-телеграфные союзы и т. п.), в которых влияние нашей партии слабо. Но так как этого-то настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом.

Говорят: но ведь железнодорожники и почтово-телеграфные служащие голодают, задавлены нищетой, раздражены против Временного Правительства. Все это так, конечно. Но это все еще не гарантия, что они поддерживают восстание против правительства вопреки эсерам и меньшевикам. Служащие и рабочие-железнодорожники были задавлены нищетой и в 1916 году, задавлены они и в Германии, и во Франции. И однако это не гарантирует поддержки восстания. Если бы все задавленные нищетой люди всегда были готовы поддерживать вооруженное восстание социалистов, мы давно завоевали бы социализм.

Это подчеркивает нашу очередную задачу. С'езд Советов назначен на 20 октября. Он должен быть созван во что бы то ни стало. Он должен организационно закрепить растущее влияние пролетарской партии. Он должен стать центром сплочения вокруг Советов всех пролетарских и полу-пролетарских организаций, как те же союзы железнодорожников, портовиков, банковских служащих

и т. п. Твердой организационной связи нет еще между этими организациями и Советами. Этого нельзя оценивать иначе, как симптом организационной слабости пролетарской партии. А подобная связь во всяком случае есть предварительное условие действительной реализации, действительного проведения в жизнь лозунгов «вся власть Советам». Для каждого данного момента этот лозунг, конечно, обозначает самое решительное сопротивление малейшим покушениям на права Советов и организаций, созданных ими, со стороны власти. При этих условиях глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет. Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам. Она будет иметь возможность в еще более широкой форме продолжать беспощадное разоблачение политики меньшевиков и эсеров, которые стали на пути действительного перехода власти в руки большинства народа. И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления и тем подставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелко-буржуазной демократией.

Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения.

Г. Зиновьев.

Ю. Каменев.

[24] 11 октября 1917 года.

«Пролет. Революция» № 10 за 1927 г, стр. 265 - 271.
Собр. Соч. Г. **Зиновьева** т. 7 ч. I, стр. 597—552.

Ответом на письмо Каменева и Зиновьева «К текущему моменту» была следующая статья Ленина:

Письмо к товарищам.

Товарищи! Время, которое мы переживаем, настолько критическое, события летят с такой невероятной быстротой, что публицист, поставленный волей судеб несколько в стороне от главного русла истории, рискует постоянно опоздать или оказаться неосведомленным, особенно если его писания с запозданием появляются в свет. Вполне сознавая это, я вынужден тем не менее обратиться к большевикам с этим письмом, даже под риском, что оно вовсе не появится в печати, ибо колебания, против которых я считаю своим долгом восстать со всей решительностью, неслыханны и способны оказать губительное действие на партию, на движение международного пролетариата, на революцию. А что касается до опасности опоздать, то для предупреждения ее я буду указывать, какими сведениями, от какого числа, я обладаю.

Мне удалось только в понедельник, 16 октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере и подробно осведомил меня о прениях *) Обсуждался тот самый вопрос о восстании, который обсуждался и воскресными газетами всех направлений. На собрании было представлено все влиятельнейшее из всех отраслей большевистской работы в столице. И только ничтожнейшее меньшинство собрания, именно всего-на-всего двое товарищей, заняло отрицательное отношение. Доводы,

*) Ленин говорит о заседании ЦК 29 (16) октября, но в интересах конспирации называет другое число. Ред.

с которыми выступали эти товарищи до того слабы, эти доводы являются таким поразительным проявлением растерянности, запуганности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать об'яснение столь позорным колебаниям. Но факт на-лицо, и так как революционная партия терпеть колебаний по столь серьезному вопросу не вправе, так как известную смуту эта парочка товарищей, растерявших свои принципы, внести не может, то необходимо разобрать их доводы, вскрыть их колебания, показать, насколько они позорны. Дальнейшие строки будут попыткой выполнить эту задачу.

«...У нас нет большевизма в народе, без этого условия восстание безнадежно».

Люди, которые способны говорить это, либо исказители правды, либо педанты, которые желают во что бы то ни стало, не считаясь ни капли с реальной обстановкой революции, получить наперед гарантий, что во всей стране партия большевиков получила ровнехонько половину голосов плюс один голос. Таких гарантий история никогда и ни в одной революции не представляла и представить абсолютно не в состоянии. Пред'явление подобного требования есть издевательство над слушателями и не более, как прикрытие своего *бегства* от действительности.

Ибо действительность показывает нам воочию, что именно после июльских дней большинство народа стало быстро переходить на сторону большевиков. Это доказали и выборы 20 августа в Питере, еще до корниловщины, когда процент большевистских голосов под-

нялся с 20% до 33% в городе без пригородов, и затем выборы в сентябре в районные думы Москвы, когда процент большевистских голосов поднялся с 11% до 49% (один товарищ москвич, которого я видел на-днях, говорил мне, что точная цифра 51%). Это доказали перевыборы Советов. Это доказал тот факт, что большинство крестьянских Советов, вопреки своему «авксентьевскому» центральному совету, высказалось *против* коалиции. Быть против коалиции это значит *на деле* итти за большевиками. Далее, сообщения с фронта все чаще и все определеннее показывают, что *масса* солдат, вопреки злостным клеветам и нападкам эс-эровско-меньшевистских вождей, офицеров, депутатов и проч., и проч., все решительнее и решительнее переходит на сторону большевиков.

Наконец, самый крупный факт современной жизни в России есть *крестьянское восстание*. Вот об'ективный, не словами, а делами показанный переход народа на сторону большевиков. Ибо, как ни лжет буржуазная пресса и ее жалкие подголоски из «колеблющихся» новожизненцев и К°, крича о погромах и об анархии, но факт на-лицо. Движение крестьян в Тамбовской губернии было восстанием и в физическом, и в политическом смысле, восстанием, давшим столь великолепные политические результаты, как, во-первых, согласие передать земли крестьянам. Не даром вся запуганная восстанием эс-эровская шватль, вплоть до «Дела Народа», *вопит* теперь о необходимости передачи земель крестьянам! Вот *на деле* доказанная правильность большевизма и успех его. «Учить» бонапартистов и их лакеев в предпарламенте *оказалось* невозможным иначе, как восстанием.

Это факт. Факты—упрямая вещь. И такой фактический довод *за* восстание сильнее тысячи «пессимистических» увертюк растерявшегося и запуганного политика.

Не будь крестьянское восстание событием общенационального политического значения, эс-эровские лакеи из предпарламента не кричали бы о необходимости передать землю крестьянам.

Другое великолепное политическое и революционное последствие крестьянского восстания отмечено уже в «Раб. Пути», это—подвоз хлеба к станциям жел. дор. Тамб. губ. Вот вам еще «довод», господа растерявшиеся, довод за восстание, как единственное средство спасти страну от стучащегося уже в дверь голода и кризиса неслыханных размеров. Пока эс-эровско-меньшевистские предатели народа ворчат, грозят, пишут резолюции, обещают накормить голодных созывом Учр. Собрания, народ *по-большевистски* приступит к решению вопроса о хлебе *восстанием* против помещиков, капиталистов и скупщиков.

И прекрасные плоды *такого* (единственно реального) решения вопроса о хлебе вынуждена была признать *буржуазная* пресса, даже «Рус. Воля», напечатавшая сообщение, что станции жел. дорог Тамб. губернии оказались завалены хлебом... *После того, как крестьяне восстали.*

Нет, сомневаться теперь в том, что большинство народа идет и пойдет за большевиками, значит позорно колебаться и на деле выкидывать прочь *все* принципы пролетарской революционности, отрекаться от большевизма совершенно.

«...Мы недостаточно сильны, чтобы взять власть, а буржуазия недостаточно сильна, чтобы сорвать Учред. Собрание»...

Первая часть этого довода есть простой пересказ довода предыдущего. Он не выигрывает в силе и убедительности, если свою растерянность и запуганность буржуазией выражают пессимизмом насчет рабочих, оптимизмом насчет буржуазии. Если юнкера и казаки говорят, что будут драться до последней капли крови против большевиков, то это заслуживает полного доверия; если же рабочие и солдаты на сотнях собраний выражают полное доверие большевикам и подтверждают готовность грудью встать за переход власти к Советам, то «уместно» вспомнить, что одно дело—голосовать, а другое дело драться!

Конечно, если рассуждать так, то восстание «опровергнуто». Только, спрашивается, чем же отличается своеобразно направленный, своеобразно устремленный «пессимизм» от политического перехода на сторону буржуазии?

Взгляните на факты, вспомните «забываемые» нашими пессимистами тысячекратные заявления большевиков. Мы тысячи раз говорили, что Советы р. и с. депутатов—сила, что это авангард революции, что они *могут* взять власть. Мы тысячи раз упрекали меньшевиков и эр-эров, что они фразерствуют насчет «полномочных органов демократии» и в то же время *боятся* взять власть в руки Советов.

А что доказала корниловщина? Она доказала, что Советы действительно сила.

И после того, как это доказано опытом, фактами, мы выбросим прочь большевизм, отречемся от себя и

скажем: мы недостаточно сильны (хотя мы имеем оба столичных и большинство провинциальных Советов на стороне большевиков)!!! Ну, разве это не позорные колебания? В сущности, ведь наши «пессимисты» выкидывают прочь лозунг «вся власть Советам», *боясь* признаться в этом.

Как можно доказать, что буржуазия недостаточно сильна для срыва Учред. Собрания?

Если буржуазия *не в силах* свергнуть Советы, то *значит* она достаточно сильна для срыва Учр. Собрания, ибо больше помешать некому. Верить обещаниям Керенского и К°, верить резолюциям лакейского предпарламента,—неужели это достойно члена пролетарской партии и революционера?

Буржуазия не только *в силах* сорвать Учр. Собрание, если теперешнее правительство не будет свергнуто, но она может и *косвенно* достигнуть этого результата, сдавая Питер немцам, открывая фронт, усиливая локауты, саботируя подвоз хлеба. Доказано *фактами*, что по частям все это буржуазия уже делала. Значит, она в силах сделать это и *в целом*, если рабочие и солдаты не свергнут ее.

«...Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва У. С. и отказа от корниловских попыток»...

До этого договорился один из двух печальных пессимистов.

Пришлось договориться до этого, ибо отказ от восстания *есть* отказ от лозунга «вся власть Советам».

Конечно, лозунги «не святыня», слов нет. Но почему же *никто* не поднял вопроса об изменении этого лозунга

(как поднял я этот вопрос после июльских дней)? Почему *боятся* сказать это открыто, хотя с сентября в партии обсуждается вопрос о восстании, *неизбежном* отныне для осуществления лезунга: «вся власть Советам»?

Тут не вывернуться нашим печальным пессимистам никогда. Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» созвать Учред. Собрание.

Неужели трудно понять, что *при власти* в руках Советов Учр. Собр. *обеспечено* и его успех обеспечен? Это тысячи раз говорили большевики. *Никто* ни разу не пытался опровергнуть этого. Такой «комбинированный тип» все признавали, но протащить теперь под словечком «комбинированный тип» *отказ* от передачи власти Советам, протащить *тайком*, *боясь* отречься от нашего лозунга открыто,—что это такое? Можно ли подыскать для характеристики этого парламентские выражения?

Нашему пессимисту ответили метко; револьвер без пули? Если да, то это прямой переход к Либерданам, которые тысячу раз об'являли Советы «револьвером» и тысячи раз обманывали народ, ибо Советы *при их господстве* оказывались нулем.

А если револьвер «с пулей», то это и есть *техническая* подготовка восстания, ибо пулю надо достать, револьвер надо зарядить, да и одной пули маловато будет.

Либо переход к Либерданам и *открытый* отказ от лозунга «вся власть Советам», либо восстание. Середины нет.

«...Буржуазия не может сдать Питера немцам, хотя Родзянко и хочет этого, ибо воюют не буржуа, а наши геройские матросы»...

Этот довод сводится опять к тому «оптимизму» *насчет буржуазии*, который на каждом шагу фатально проявляют пессимисты по части революционных сил и способностей пролетариата.

Воюют геройские матросы, *но* это не помешало *двум* адмиралам *скрыться* перед взятием Эзеля!!

Это факт. Факты упрямая вещь. Факты доказывают, что адмиралы *способны* предавать не хуже Корнилова. А что ставка не реформирована, что командный состав корниловский, это бесспорный факт.

Если корниловцы (с Керенским во главе, ибо он тоже корниловец) *захотят* сдать Питер, они могут сделать это ловко и даже «трояко».

Во-первых, они могут предательством корниловского командного состава открыть сухопутный северный фронт.

Во-вторых, они могут «сговориться» насчет свободы действий всего немецкого флота, который *сильнее* нас, сговориться и с немецкими и с английскими империалистами. Кроме того «скрывшиеся адмиралы» могли передать немцам *и планы*.

В-третьих, локаутами и саботажем доставки хлеба они могут довести войска наши до *полного* отчаяния и бессилия.

Ни одного из этих трех путей отрицать нельзя. Факты доказали, что во все три двери буржуазно-казацкая партия России уже стучалась, их пробовала открыть.

Следовательно? Следовательно, мы не вправе ждать, пока буржуазия задушит революцию.

Что родзянковские «хотения»—не пустышка, это доказано опытом. Родзянко—человек дела. За Родзянкой стоит *капитал*. Это неоспоримо. Капитал—силища, пока пролетариат не овладел властью. Политику капитала Родзянко верой и правдой проводил *десятилетия*.

Следовательно? Следовательно, колебаться по вопросу о восстания, как единственном средстве спасти революцию, значит впадать в ту наполовину либерданов-скую, эс-эровки-меньшевистскую трусливую доверчивость к буржуазии, наполовину «мужицки»-бессознательную доверчивость, против которой больше всего большевики боролись.

Либо сложить ненужные руки на пустой груди и ждать, клянясь «верой» в Учр. Собрание, пока Родзянко и К° сдадут Питер и задушат революцию,—либо восстание. Середины нет.

Даже созыв Учр. Собрания, отдельно взятый, ничего тут не меняет, ибо никаким «учредительством», никакими голосованиями, хотя бы архисуверенного собрания голода не проймешь, Вильгельма не проймешь. И созыв Учр. Собр. и *успех* его зависит от перехода власти к Советам, эту старую большевистскую истину все белее наглядно и все более *жестоко* подтверждает действительность.

«...Мы усиливаемся с каждым днем, мы можем войти сильной оппозицией в Учр. Собр., к чему нам все ставить на карту»...

Довод филистера, который «читал», что Учр. Собр. созывается и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лойяльнейшем. конституционном пути.

Жаль только, что ни вопроса о голоде, ни вопроса о сдаче Питера *ожиданиями* Учр. Собр. решить нельзя. Эту «мелочь» забывают наивные или растерявшиеся, или давшие себя запугать люди.

Голод не ждет. Крестьянское восстание не ждеало. Война не ждет. Скрывшиеся адмиралы не ждали.

Или от того, что мы, большевики, *провозгласим* веру в созыв Учр. Собр., от этого голод согласится подождать? Скрывшиеся адмиралы согласятся подождать? Маклаковы и Родзянки согласятся прекратить локауты, саботаж подвоза хлеба, тайные сговоры с английскими и немецкими империалистами?

Ведь *так* выходит у героев «конституционных иллюзий» и парламентского кретинизма. Живая жизнь исчезает — остается только *бумажка* о созыве Учр. Собр.. остаются только выборы.

И слепые люди дивятся еще, что голодный народ и предаваемые генералами и адмиралами солдаты равнодушны к выборам! О, мудрецы!

«...Вот если бы корниловцы опять начали, тогда мы бы показали! А начинать самим, к чему рисковать?..»

Это так чрезвычайно убедительно и чрезвычайно революционно. История не повторяется, но если мы повернемся к ней *задом* и будем, созерцая корниловщину первую, твердить: «вот кабы корниловцы начали»,—если мы это сделаем, какая это превосходная революционная стратегия! Как она похожа на «авось да небось»! Авось корниловцы опять начнут не во-время!—неправда ли, какой это сильный «довод»? Какое это серьезное обоснование пролетарской политики?

А если корниловцы второго призыва научились коечему? Если они *дождутся* голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, *не начиная* до тех пор? Что тогда?

Тактику пролетарской партии нам предлагают построить на возможном повторении корниловцами одной из своих старых ошибок.

Забудем все, что сотни раз доказывали и *доказали* большевики, что доказала полугодовая история нашей революции, именно: что выхода *нет*, об'ективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата, забудем это, отречемся от всего этого и будем ждать! Ждать—чего? Ждать чуда: именно, что бурное и катастрофическое течение событий с 20 апреля по 29 августа сменится (по случаю затягивания войны и роста голодовки) мирным, спокойным, гладким, легальным созывом Учредительного Собрания и исполнением его законнейших решений: вот она «марксистская» тактика. Ждите, голодные, Керенский обещал созвать Учредительное Собрание!

«...В международном положении нет, собственно, ничего, обязывающего нас выступать немедленно, мы скорее повредим делу социалистической революции на Западе, если дадим себя расстрелять»:..

Этот довод поистине великолепен: «сам» Шейдеман, «сам» Ренодель не сумел бы искуснее «оперировать» с сочувствием рабочих успеху международной социалистической революции!

Подумайте только: немцы при дьявольски трудных условиях, имея *одного* Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности *всех* классов населения, вплоть

до последнего зажиточного крестьянина, идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т.-е. немецкие революционеры-интернационалы, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте—шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея *большинство* в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием. Мы будем рассуждать, как Шейдеманы и Ренодели: благоразумнее всего не восставать, ибо если нас перестреляют, то мир потеряет таких прекрасных, таких благоразумных, таких идеальных интернационалистов!

Докажем свое благоразумие. Примем резолюцию сочувствия *немецким повстанцам* и отвергнем *восстание* в России. Это будет настоящим, благоразумным интернационализмом. И как быстро процветет международный интернационализм, если *повсюду* восторжествует такая же мудрая политика!..

Война замучила, истерзала рабочих всех стран до крайности. Взрывы и в Италии, и в Германии, и в Австрии учащаются. Мы *одни* имеем Советы рабочих и солдатских депутатов,—будем *выжидать*—предадим немецких интернационалистов, как мы предаем русских крестьян, не словами, а делами,—восстанием против помещиков, зовущих нас восстанию против правительства Керенского...

Пусть сгустилась туча империалистического заговора капиталистов всех стран, которые готовы задушить русскую революцию, — будем спокойно выжидать, пока нас задушат *рублем!* Вместо того, чтобы напасть на заговорщиков и сломать их ряды победой Советов рабочих и сол-

датских депутатов, будем ожидать Учр. Собрания, где *голосованиями* победятся все международные заговоры, если Керенский и Родзянко добросовестно созовут Учр. Собрание. Имеем ли мы право сомневаться в добросовестности Керенского и Родзянки?

«...Но против нас «все»! Мы изолированы. И ЦИК, и меньшевики-интернационалисты, и новожизненцы, и левые эс-эры выпустили и выпустят воззвания против нас!..».

Пресильный довод. Мы до сих пор били беспощадно колеблющихся за колебания. Мы *на этом* приобрели сочувствие народа. Мы *на этом* завоевали Советы, без которых восстание не могло быть надежным, быстрым, верным. Теперь воспользуемся завоеванными Советами, чтобы *и нам перейти в стан колеблющихся*. Какая прекрасная карьера большевизма!

Вся суть политики Либерданов и Черновых, а также «левых» среди эс-эров и меньшевиков состоит в *колебаниях*. Как *показатели* того, что *массы левеют*, левые эс-эры и меньшевики-интернационалисты имеют *огромное* политическое значение. Такие два факта, как переход около 40% и у меньшевиков и у эс-эров в лагерь левых, с одной стороны, и крестьянское восстание, с другой, стоят в несомненной, очевидной связи.

Но именно характер этой связи и разоблачает всю бездну бесхарактерности тех, кто вздумал теперь хныкать по поводу того, что заживо сгнивший ЦИК или колеблющиеся левые эс-эры и К° выступили против нас. Ибо *эти* колебания мелко-буржуазных вождей, Мартовых, Камковых, Сухановых и К°, надо сопоставить с *восстанием* крестьян. Вот *реальное* политическое сопоставление. С кем итти? С теми колеблющимися горстками питерских

вождей, которые *косвенно* выразили *левение* масс и которые при *каждом* политическом повороте позорно хныкали, при *каждом* политическом повороте позорно хныкали, колебались, бегали просить прощение у Либерданов и Авксентьевых с Комп., *или с этими полевевшими массами.*

Так, только так стоит вопрос.

По случаю предательства крестьянского восстания Мартовыми, Камковыми, Сухановыми — и нам, рабочей партии революционных интернационалистов, предлагают предать его. Вот к чему сводится политика «киваний» на левых эс-эров и меньшевиков-интернационалистов.

А мы сказали: чтобы помочь колеблющимся, надо перестать колебаться самому. Эти «милые» левые мелкобуржуазные демократы колебались и за коалицию! Мы их повели, в конце концов, за собой,—тем, что не колебались сами. И жизнь подтвердила нас.

Своими колебаниями эти господа губили революцию всегда. Только мы спасали ее. И теперь мы спасуем, когда голод стучится в ворота Питера, а Родзянко и К° готовят сдачу его?!.

«..Но у нас нет даже прочных связей с железнодорожниками и почтовыми служащими. Их официальные представители — Плансоны. А можно ли победить без почты и без жел. дорог?..»

Да, да, Плансоны — здесь, Либерданы — там. Какое доверие оказали им *массы?* Не мы ли доказывали всегда, что эти вожди предают *массы?* Не от этих ли вождей повернули массы *к нам* и на выборах в Москве и на выборах в Советы? Или масса жел.-дор. и почтовых служащих не голодает? не бастует против правительства Керенского и К°?

А перед 28 февраля были у нас связи с этими союзами?—спросил один товарищ «пессимиста». Тот ответил указанием на несравнимость обеих революций. Но это

указание только *усиливает* позицию того, кто задал вопрос. Ибо о длинной подготовке *пролетарской* революции *против буржуазии* тысячи раз говорили как раз большевики (и говорили не для того, чтобы забыть это накануне решительного момента). Как раз *выделением* пролетарских элементов массы от мелко-буржуазных и буржуазных верхов характеризуется политическая и экономическая жизнь союзов почт.-тел. и железнодорожного. Дело вовсе не в том, чтобы обязательно запастись заранее «связями» с тем и другим союзом, дело в том, что только победа пролетарского и крестьянского восстания *может* удовлетворить *массы* в армиях железнодорожников и почто-телеграфных служащих.

«...Хлеба в Питере на 2—3 дня. Можем ли мы дать хлеб повстанцам?..»

Одно из тысячи скептических замечаний (скептики *всегда* могут «сомневаться», и ничем, кроме опыта, не опровергнешь их)—из таких замечаний, которое валит с больной головы на здоровую.

Именно Родзянки и К°, именно буржуазия готовит голод и спекулирует удавить революцию голодом. Нет и быть *не может* иного спасения от голода, как восстание крестьян против помещиков в деревне и победа рабочих над капиталистами в городе и в центре. Иначе ни достать хлеба у богачей, ни вывезти его, вопреки их саботажу, ни сломить сопротивление подкупленных служащих и наживающихся капиталистов, ни создать строгий учет *нельзя*. Это доказала именно история продовольственных учреждений и продовольственной маеты «демократии», которая миллионы раз *жаловалась* на саботаж капиталистов, *хныкала, умоляла*.

Нет силы на свете, кроме силы победоносной пролетарской революции, чтобы вместо жалоб и просьб и слез перейти к *революционному делу*. И чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем дольше отсрочат ее события или колебания колеблющихся и растерявшихся, тем больше жертв она будет стоить, тем труднее будет *наладить* подвоз и распределение хлеба.

Промедление в восстании смерти подобно—вот что надо ответить тем, кто имеет печальное «мужество» смотреть на рост разрухи, на близость голода и *отсоветовать* рабочим восстание *(то-есть, советовать им подождать, еще положиться на буржуазию)*.

«...В положении на фронте тоже нет еще опасности. Если даже солдаты сами заключат перемирие, это еще не беда»...

Но солдаты не заключат перемирия. Для этого нужна государственная власть, которой нельзя получить без восстания. Солдаты просто *убегут*. Об этом говорят доклады с фронта. Ждать нельзя, не рискуя помочь сговору Родзянки с Вильгельмом и *полной* разрухой при повальном бегстве солдат, если они (*уже близкие к отчаянию*) дойдут до полного отчаяния и бросят все на произвол судьбы.

«...А если мы возьмем власть и не получим ни перемирия, ни демократического мира, то солдаты могут не пойти на революционную войну. Что тогда?»

Довод, заставляющий вспомнить изречение: один дурак может вдесятеро больше задать вопросов, чем десять мудрецов способны разрешить.

Мы никогда не отрицали трудностей *власти* во время империалистической войны, но мы тем не менее всегда *проповедовали* диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Неужели мы отречемся от этого, когда пришел момент действия??

Мы всегда говорили, что диктатура пролетариата в одной стране создает гигантские перемены и международного положения, и экономики страны, и положения армии, и настроения ее,—и мы «забудем» все это теперь, давая себя запугать «трудностями» революции??

«...В массах нет рвущегося на улицу настроения, как передают все. К признакам, оправдывающим пессимизм, принадлежит также крайне возросшее распространение погромной и черносотенной прессы»...

Когда люди дадут буржуазии запугать себя, тогда, естественно, все предметы и явления окрашиваются для них в желтый цвет. Во-первых, они марксистский критерий движения подменяют интеллигентски-импрессионистским, *на место* политического учета развития классовой борьбы и хода событий во всей стране в целом, ставят суб'ективные впечатления о настроении; о том, что твердая линия партии, ее непреклонная решимость *тоже* есть *фактор* настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты, об этом, конечно, «кстати» забывают. Иногда людям бывает очень «кстати» забыть, что ответственные руководители своими колебаниями и склонностью сжечь то, чему они вчера поклонялись, вносят самые неприличные колебания и в настроения известных слоев массы.

Во-вторых,—и это в данный момент главное—говоря о настроении масс, бесхарактерные люди забывают добавить,

— что «все» передают его, как сосредоточенное и выжидательное;

— что «все» согласны насчет того, что по призыву Советов и для защиты Советов рабочие выступят, как один человек;

— что «все» согласны насчет сильного недовольства у рабочих нерешительностью центров в вопросе о «последнем, решительном бое», неизбежность коего сознается ясно;

— что «все» единодушно характеризуют настроение наиболее широких масс, как близкое к отчаянию, и указывают на факт нарастания анархизма именно на этой почве;

— что «все» признают также, что среди сознательных рабочих есть определенное нежелание выходить на улицу *только* для демонстраций, *только* для частичной борьбы, ибо в воздухе носится приближение не частичного, а общего боя, безнадежность же отдельных стачек, демонстраций, давлений испытана и сознана вполне.

И так далее.

Если мы к этой характеристике настроения масс подойдем с точки зрения всего развития классовой и политической борьбы и всего хода событий за полгода нашей революции, то нам станет ясно, как искажают дело запуганные буржуазией люди. Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было *стихийное возбуждение*, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформливали в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы *еще* не наши, что крестьяне *еще* верят пути

либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за ними большинства народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно.

Тогда у большинства сознательных рабочих вопроса о последнем решительном бое *не* возникало вовсе; нет ни одной коллегии из партийных коллегий вообще, которая бы этот вопрос ставила. А у малосознательной и очень широкой массы не было ни сосредоточенности, ни решимости отчаяния, а было именно стихийное *возбуждение* с наивной надеждой просто «выступлением», просто-демонстрацией «повлиять» на Керенских и буржуазию.

Для восстания нужно не это, а сознательная, твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца, это—с одной стороны. А, с другой стороны, нужно сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые *чувствуют*, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что «повлиять» никак не повлияешь, что голодные «разнесут все, размозжат все даже по-анархически», *если* не сумеют руководить ими в решительном бое большевики.

Именно к этому сочетанию наученной опытом сосредоточенности сознательных и близкого к отчаянию настроения ненависти к локаутчикам и капиталистам у широчайших масс развитие революции привело на деле *и* рабочих *и* крестьянство.

Именно на этой почве понятен также «успех» подделывающихся под большевизм негодяев черносотенной печати. Что черные злорадствуют при виде приближающегося решительного боя буржуазии с пролетариатом, это бывало всегда, это наблюдалось во всех без

всякого из'ятия революциях, это абсолютно неизбежно. И если *этим* обстоятельством давать себя запугивать, тогда надо отказаться не только от восстания, но и пролетарской революции вообще. Ибо *не* может в капиталистическом обществе быть такого нарастания этой революции, которое бы *не* сопровождалось злорадством черной сотни и ее надеждами погреть себе руки.

Сознательные рабочие прекрасно знают, что черная сотня с буржуазией работают рука об руку и что решительная победа рабочих (в которую мелкие буржуа не верят, которой капиталисты боятся, которой черносотенцы иногда из злорадства желают, уверенные, что большевики не удержат власти),—что эта победа черную сотню *раздавит* до конца, что власть большевики *сумеют* удержать твердо и к величайшей пользе для всего измученного и истерзанного войной человечества.

В самом деле, кто же из не сошедших с ума людей может сомневаться в том, что *Родзянки* и Суворины действуют вместе? что между ними распределены роли? Разве факты не доказали, что по указке Родзянки действует Керенский, а «государственная типография российской республики» (не шутите!) печатает на казенный счет черносотенные речи черносотенцев «Госуд. Думы»? Разве этого факта не разоблачили *даже* ликействующие перед «своим человечком» лакеи из «Дела Народа»? Разве опыт *всех* выборов не доказал полнейшей поддержки «Новым Временем», продажной газетой, царско-помещичьими «интересами» направляемой газетой, кадетских списков?

Разве мы не читали вчера, что торгово-промышленный капитал (беспартийный, конечно,—о, разумеется,

беспартийный, ведь Вихляевы и Ракитниковы, Гвоздевы и Никитины коалируют с кадетами, боже упаси, а с *беспартийными* торгово-промышленными кругами!) отвалил 300.000 р. кадетам?

Вся черносотенная пресса, если смотреть на вещи с классовой, а не сентиментальной точки зрения, есть *отделение* фирмы «Рябушинский, Милюков и К°». Капитал покупает себе, с одной стороны, Милюковых, Заславских, Потресовых и прочее, а, с другой стороны, черносотенцев.

Никакого иного средства покончить с этим безобразнейшим отправлением народа, ядом дешевой черносотенной заразы быть не может, кроме *победы пролетариата*.

И можно ли удивляться тому, что измученная и истерзанная голодом и затягиванием войны толпа «хватается» за черносотенный яд? Можно ли мыслить себе капиталистическое общество накануне краха *без* отчаяния в среде угнетенных масс? И может ли отчаяние масс, среди которых не мало темноты, *не* выражаться в увеличенном сбыте всякого яда?

Нет, безнадежная позиция тех, кто, толкуя о настроении масс, свою личную бесхарактерность сваливает на массы. Массы делятся на сознательно выжидающих, на бессознательно готовых впасть в отчаяние, но массы угнетенных и голодных *не* бесхарактерны.

«...Марксистская партия, с другой стороны, не может сводить вопрос о восстании к вопросу о военном заговоре»...

Марксизм есть чрезвычайно глубокое и разностороннее учение. Неудивительно поэтому, что *обрывки*

цитат из Маркса, особенно если приводить цитаты *не* кстати—можно встретить всегда среди «доводов» тех, кто рвет с марксизмом. Военный заговор есть бланкизм, *если* его устраивает не партия определенного класса, *если* его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, *если* на стороне этой партии нет доказанного об'ективными фактами сочувствия большинства народа, *если* развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, *если* не завоевано большинство признанных «полномочными» или иначе себя показавших органов революционной борьбы вроде «Советов», *если* в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, *если* лозунги восстания (вроде «вся власть Советам», «земля крестьянам», «немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии» и т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности, *если* передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни,—поддержке, доказанной серьезным крестьянским движением, или восстанием против помещиков и защищающего их правительства, *если* экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами.

Пожалуй, довольно?

В своей брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» (я надеюсь, что она на-днях выйдет уже в свет) я привел цитату из Маркса, действи-

тельно относящуюся к вопросу о восстании и определяющую признаки восстания как «искусства».

Я готов биться о заклад, что если предложить раскрыть рот тем болтунам, которые кричат теперь в России против военного заговора, и призывать их к об'яснению разницы между «искусством» вооруженного восстания и осуждения достойным военным заговором, то они либо повторят сказанное выше, либо осрамят себя и вызовут всеобщий смех рабочих. Попробуйте-ка, любезные тоже-марксисты! Спойте нам песенку *против* «военного заговора».

Послесловие.

Предыдущие строки были уже написаны, когда я получил, в 8 час. вечера, во вторник, утренние питерские газеты со статьей г. В. Базарова в «Новой Жизни». Г-н В. Базаров утверждает, что «по городу пущен в рукописи листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления».

Если это правда, то я прошу товарищей, в руки которых это письмо не может попасть раньше полудня в среду, *напечатать его* возможно скорее.

Оно писалось не для печати, а только для беседы с членами партии по переписке. Но если не принадлежащие к партии и тысячу раз осмеянные ею за презренную бесхарактерность герои из «Новой Жизни» (третьего дня голосовавшие за большевиков, вчера за меньшевиков и *почти* об'единившие их на всемирно-знаменитом об'единительном с'езде), если подобные суб'екты получают *листок* от членов нашей партии, агитирующих против восстания, тогда молчать нельзя. Надо агитировать *за* восстание. Пускай анонимы вы-

лезают окончательно на свет божий и понесут заслуженное ими за их позорные колебания наказание, хотя бы в виде насмешек всех сознательных рабочих. Я имею в своем распоряжении только час времени до отсылки настоящего письма в Питер и потому только в двух словах отмечу один «прием» печальных героев безголовного «новожизненства». Г-н В. Базаров пробует полемизировать с тов. Рязановым, который сказал, и сказал 1.000 раз правильно, что «восстание подготовляют все те, кто создает в массах настроение отчаяния и индиферентизма».

Печальный герой печального дела «возражает»:

«Разве отчаяние и индиферентизм когда-либо побеждали?»

О, презренные дурачки из «Новой Жизни»! Они знают *такие* примеры восстания в истории, когда массы угнетенных классов побеждали в отчаянном бою, не будучи долгими страданиями и крайним обострением кризисов всякого рода доведены до отчаяния? Когда эти массы не охватывал индиферентизм (равнодушие) к разным лакейским предпарламентам, к пустой игре в революции, к низведению Либерданами Советов с органов власти и восстания до роли пустых говорилен?

Или, может быть, презренные дурачки из «Новой Жизни» открыли у масс *равнодушие*... к вопросу о хлебе? о затягивании войны? о земле для крестьян?

Написано 16 и 17 октября 1917 г. Напечатано в газете «Рабочий Путь» №№ 40, 41, 42, 19, 20 и 21 октября 1917 г., за подписью Н Ленина.

Выдержки из статьи Базарова.

Ленин в своем «Письме к товарищам» ссылается на статью Базарова в № 155 «Новой Жизни» от 30 (17) октября—«Марксист-

ское отношение к восстанию». В виду большого ее значения, приводим относящееся сюда место из этой статьи:

«Ни для кого не тайна, что в среде самих большевиков по вопросу о предстоящем выступлении существуют крупнейшие разногласия. Неизбежность провала становится с каждым днем все очевиднее. В результате, даже в Петербурге в партийных центрах сторонники выступления, лишь самое ничтожное большинство,—Москва же, как говорят, вся целиком высказалась против. При таких условиях даже сторонники большинства едва ли питают искреннюю уверенность в благополучном исходе выступления; почва все более и более ускользает из-под их ног,—и они не могут этого не сознавать. Не вера в успех дела, а ложное партийное самолюбие, нежелание сознаться в ошибке, заставляет лидеров большинства фанатически настаивать на осуществлении раз провозглашенного лозунга во что бы то ни стало, «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

Положение слишком серьезно. Провал политики с'езда Советов взять власть в свои руки нанес бы слишком тяжелый удар пролетариату и революции, для того, чтобы пассивная или уклончивая позиция большевистского меньшинства могла быть чем-либо оправдана. Большевики—противники выступления должны самым решительным образом агитировать на митингах, по заводам, в прессе, должны употребить все усилия к тому, чтобы удержать от безумного шага сбитые с толку рабочие и солдатские массы. Вместо всего этого по городу пущен *в рукописи* листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления. Этого немножко маловато, товарищи».

После провала на заседании ЦК 29(16) октября т.т. Каменев и Зиновьев решили использовать меньшевистскую газету «Новую Жизнь» для агитации против восстания.

31(18) октября в «Новой Жизни» появилась заметка:

«Ю. Каменев о «выступлении».

Во вчерашней статье В. Базарова упоминается о листке, пущенном от имени двух видных большевиков против выступления.

По этому поводу Ю. Каменев сообщает: В виду усиленного обсуждения вопроса о выступлении я и Г. Зиновьев обратились к крупнейшим организациям нашей партии в Петрограде, Москве и Финляндии с письмом, в котором решительно высказывались против того, чтобы партия наша брала на себя инициативу каких-либо вооруженных выступлений в ближайшие сроки.

Должен сказать, что мне неизвестны какие-либо решения нашей партии, заключающие в себе назначение на тот или другой срок какого-либо выступления.

Подобных решений партии не существует. Все понимают, что в нынешнем положении революции не может быть и речи о чем-либо подобном «вооруженной демонстрации». Речь может итти только о захвате власти вооруженной рукой, и люди, ответственные перед пролетариатом, не могут не понимать, что итти на какое-либо массовое «выступление» можно, только ясно и определенно поставив перед собой задачу вооруженного восстания. Не только я и т. Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до с'езда Советов было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом.

Ни одна партия, и менее всего наша партия, внутри которой все больше сосредоточиваются надежды и доверие масс, не может не стремиться к власти, к тому, чтоб средствами государственной власти осуществить свою программу. Ни одна революционная партия, и менее всего наша партия, партия пролетариата,

городской и сельской бедноты, не может, не имеет права отказываться, зарекаться от восстания. Восстание против власти, губящей страну—неот'емлемое право трудящихся масс, и в известные моменты—долг тех партий, которым массы доверяют. Но восстание, по выражению Маркса, есть искусство. И именно потому мы полагаем, что наша обязанность сейчас, в данных обстоятельствах, высказаться против всякой попытки брать на себя инициативу вооруженного восстания, которое было бы обречено на поражение и повлекло бы за собой самые гибельные последствия для партии, для пролетариата, для судеб революции. Ставить все это на карту выступления в ближайшие дни—значило бы совершить шаг отчаяния. А наша партия слишком сильна, перед ней слишком большая будущность, чтобы совершать подобные шаги отчаяния».

Письмо Зиновьева в «Рабочий Путь».

Желая затушевать свои разногласия с Лениным, Зиновьев поместил в Ц. О. Партии следующее письмо:

В «Письме к товарищам», помещенном во вчерашнем номере «Рабочего Пути», тов. Ленин полемизирует с взглядами «двух товарищей», одним из которых являюсь я.

По ряду обстоятельств я вынужден отказаться сейчас от подробного ответа на эту полемику. Скажу только, что действительные мои взгляды по спорному вопросу очень далеки от тех, которые оспаривает тов. Ленин. Присоединяясь к вчерашнему заявлению тов. Троцкого в Ленинградском Совете Раб. и Солд. Депутатов, я думаю, что мы вполне можем сомкнуть ряды

и отложить наш спор до более благоприятных обстоятельств.

«Раб. Путь» № 41 от 31(18) октября 1917 г.

Письма Ленина об исключении Каменева и Зиновьева из партии.

Возмущенный письменным выступлением Каменева и Зиновьева против восстания в непартийной газете, Ленин обратился в ЦК партии со следующими письмами *).

Письмо к членам партии большевиков.

Товарищи! Я не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября. Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете „Новая Жизнь“, то я отказался верить этому. Но сомнения оказались невозможны(ми), и я вынужден воспользоваться случаем, чтобы доставить это письмо членам партии к четвергу вечером или к пятнице утром, ибо молчать перед фактом такого неслыханного *штрейкбрехерства* было бы преступлением.

Чем серьезнее практический вопрос, чем ответственнее и „виднее“ люди, совершившие штрейкбрехерство, тем опаснее оно, тем решительнее надо выкинуть вон штрейкбрехеров, тем непростительнее было бы колебаться из-за прошлых хотя бы „заслуг“ штрейкбрехера.

Подумать только! В партийных кругах известно, что партия с сентября обсуждает вопрос о восстании. Ни

---

* Не все письма т. Ленина против штрейкбрехерства найдены, но и помещаемые здесь достаточно ясно говорят о его точке зрения по этому вопросу. («Пролет. Революция» № 10 за 1927 г., стр. 289—292).

об одном письме или листке ни одного из названных лиц никто ничего не слыхал! Теперь, накануне, можно сказать, с'езда советов, двое видных большевиков выступают *против* большинства, и, явное дело, *против ЦК.* Это не говорится прямо, и от этого вред для дела еще больше, ибо намеками говорить еще опаснее.

Из текста заявления Каменева и Зиновьева ясно вполне, что они пошли против ЦК, ибо иначе их заявление бессмысленно, но *какое* именно постановление ЦК они оспорили,—не сказано.

Почему?

Ясное дело: потому, что его не публиковал ЦК.

Что же это такое выходит?

По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое „видных большевиков" в *не*партийной печати, и притом именно в такой газете, которая по данному вопросу идет *об руку с буржуазией против рабочей партии,* в такой газете нападают на *не*опубликованное решение центра партии!

Да ведь это в тысячу раз подлее и *в миллион раз вреднее* всех тех выступлений, хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906—7 гг., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь идет дело о восстании для завоевания власти!

И по такому вопросу, *после* принятия центром решения, оспаривать это *неопубликованное* решение перед Родзянками и Керенскими, в газете непартийной — можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?

Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал коле-

баться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК, и перед с'ездом буду бороться за исключение обоих из партии.

Ибо рабочая партия, которую жизнь все чаще и чаще ставит лицом к лицу с восстанием, не в силах решать эту трудную задачу, если неопубликованные постановления центра, после их принятия, оспариваются в непартийной печати, и в ряды борцов вносятся колебания и смута.

Пусть господа Зиновьев и Каменев основывают свою партию с десятками растерявшихся людей или кандидатов в Учр(едительное) Собрание. Рабочие в такую партию не пойдут, ибо ее первым лозунгом будет:

„цекистам, побежденным по вопросу о решительном бое на собрании ЦК, разрешается итти в непартийную печать для нападок на неопубликованные постановления партии".

Пусть строят они себе *такую* партию; наша рабочая партия большевиков от этого только выиграет.

Когда будут опубликованы все документы, штрейкбрехерство Зиновьева и Каменева выступит еще гораздо яснее. А пока перед рабочими пусть встанет вопрос:

„Допустим, правление всероссийского профессионального союза решило, после месячного обсуждения и большинством свыше 80 проц., что надо приготовить стачку, но ни о сроке, ни о чем ином пока не публиковать. Допустим, двое членов, прикрываясь облыжно „особым мнением", *после* решения не только стали писать в местные группы о пересмотре решения, но и допустили сообщения своих

писем в *не*партийные газеты. Допустим, что, наконец, они и сами в непартийных газетах напали на решение, хотя оно еще не опубликовано, и стали поносить стачку перед капиталистами.

„Спрашивается, колебнутся ли рабочие исключить из своей среды подобных штрейкбрехеров?“

———

Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, то я издалека не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейкбрехерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что *практический* вред нанесен очень большой. Для исправления дела надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта исключением штрейкбрехеров.

Слабость идейных доводов против восстания будет тем яснее, чем больше мы вытащим их на свет божий. Я послал на-днях статью об этом в „Раб. Путь“, и, если редакция не сочтет возможным поместить ее, члены партии, вероятно, ознакомятся с ней в рукописи.

Сводятся эти „идейные“, с позволения сказать, доводы к двум: во-первых, к „ожиданию“ Учред(ительного) Собрания. Подождем, авось дотянем,—вот и весь довод. Авось с голодом, с разрухой, с истощением терпения солдат, с родзянковскими шагами к сдаче Питера немцам (с локаутами авось) еще дотянем.

Авось да небось, в этом вся сила довода.

Во вторых, крикливый пессимизм. У буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо. У капиталистов все подготовлено чудесно, у рабочих все плохо. „Пессимисты“ насчет военной стороны дела кричат во всю глотку, а „оптимисты“ молчат, ибо перед Родзянкой

и Керенским открывать кое-что едва ли кому, кроме штрейкбрехеров, приятно.

——

Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена.

И все же таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды,—пролетариат должен победить!

Н. Ленин.

Дорогие товарищи!

Уважающая себя партия не может терпеть штрейкбрехерства и штрейкбрехеров в своей среде. Это очевидно. А чем больше вдуматься в выступления Зиновьева и Каменева в партийной прессе, том более бесспорно становится, что их поступок представляет из себя полный состав штрейкбрехерства. Увертка Каменева на заседании Ленингр. Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий *не мог*, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение (необходимости в. в., о том, что оно вполне назрело, о всесторонней подготовке и т. д.), что это решение *обязывает* при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого. Увертка Каменева—просто жульничество. То же самое надо сказать про увертку Зиновьева. По крайней мере его «оправдывающееся» письмо (кажется в ЦО), письмо, которое я только и видел (ибо особого мнения, яко бы особого мнения,

о коем трубит *буржуазная* печать, я, член ЦК, *до сих пор* не видал). Из «доводов» Зиновьева: Ленин рассылал свои письма «до принятия каких бы то ни было решений», и вы не протестовали. Так, буквально пишет З., подчеркивая сам четырьмя чертами слово *до*. Неужели трудно понять, что *до* решения центром вопроса о стачке агитировать и за и против можно, а *после* решения в пользу стачки (после добавочного решения скрыть это от врага), после этого агитировать против стачки есть штрейкбрехерство. Всякий рабочий поймет это. Вопрос о в. в. обсуждался в центре с сентября. Вот когда Зиновьев и Каменев могли и *должны* были выступать письменно, чтобы *все*, видев их доводы, чтобы *все* оценили их полную растерянность. Прятать свои взгляды от партии целый месяц *до* принятия решения и рассылать особое мнение *после* решения, значит быть штрейкбрехером.

Зиновьев прикидывается непонимающим этой разницы, непонимающим того, что после решения о стачке, решения центра, лишь штрейкбрехеры могут агитировать перед низшими инстанциями против решения. Всякий рабочий поймет это.

А Зиновьев именно агитировал и срывал решения центра, как на воскресном собрании, где он и Каменев ни одного голоса не приобрели, так и в своем теперешнем письме. Ибо Зиновьев имеет бесстыдство утверждать, что «партия не опрошена», и что такие вопросы «не решаются десятью человеками». Подумайте только. Все цекисты знают, что на решающем собрании присутствовало больше десяти членов ЦК, что присутствовало *большинство пленума*, что сам Каменев на этом собрании заявил: «это собрание решающее», что

про отсутствующих членов ЦК было досконально известно, что *большинство* из них *не согласно* с Зинов. и Каменевым. И вот, *после* решения ЦК-том на собрании, которое Каменев признал *решающим*, член ЦК имеет наглость писать: «партия не опрошена», «такие вопросы десятью не решаются», это—полный состав —штрейкбрехерства. До С'езда партии решает ЦК. ЦК решил. Каменев и Зиновьев, не выступавшие письменно, *до* решения, стали *оспаривать* решение ЦК *после* того, как оно состоялось.

Это есть полный состав штрейкбрехерства. После принятия решения никакое оспаривание *недопустимо*, раз дело касается немедленной и *тайной* подготовки к стачке. Зиновьев имеет наглость на *нас* сваливать теперь «предупреждение неприятеля». Где же граница бесстыдству. Кто в самом деле испортил дело, сорвал стачку «предупреждением неприятеля», как не люди, выступавшие в *непартийной* прессе?

В газете, которая по *данному* вопросу идет заодно со всей буржуазией, выступать *против* «решающего» постановления партии.

Если терпеть это, то партия невозможна, партия разбита.

Называть «особым мнением» то, что узнает и пропечатывает Базаров в непартийной газете,—это значит издеваться над партией.

Выступление Каменева и Зиновьева в непартийной печати было особенно подло еще потому, что их *кляузную ложь* партия не может опровергнуть открыто: мне не известны решения о сроке, пишет и печатает от своего и Зиновьева имени Каменев. (Зи-

новьев вполне ответственен за все поведение и выступление Каменева после такого заявления).

Как может ЦК опровергнуть это?

Мы не можем сказать перед капиталистами правды, именно, что мы *решили* стачку и решили *скрыть выбор момента* для нее.

Мы не можем опровергнуть кляузной лжи Зиновьева и Каменева, *не вредя еще больше делу*. В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество обоих этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников, ибо, раз мы молчим в печати, всякий догадается, *как* стоит дело.

Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о в. в., и о сокрытии от врага подготовки в. в., выбора срока дня в. в. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов ЦК кляузной ложью перед капиталистами *выдали* им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК.

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии».

Мне не легко писать это про бывших близких товарищей, но колебания я считал бы здесь преступлением, ибо иначе партия революционеров, не карающая видных штрейкбрехеров, *погибла*.

Вопрос о в. в., даже, если его надолго отсрочили выдавшие дело Родзянке и Керенскому штрейкбрехеры, не *снят*, не снят партией. Как же можно готовиться к в. в. и готовить его, *терпя* в своей среде «видных» штрейкбрехеров? Чем виднее, тем *опаснее*, тем более

недостойно «прощать», говорят французы. Изменником может стать лишь *свой* человек.

Чем *«виднее»* штрейкбрехеры, тем обязательнее немедля карать их исключением.

Только так можно оздоровить рабочую партию, очистить от дюжины бесхарактерных интеллигентиков, сплотив ряды революционеров, итти навстречу великим и величайшим трудностям, итти с *революционными рабочими*.

Мы не можем напечатать правды: что *после* решающего собрания ЦК Зиновьев и Каменев имели наглость требовать *пересмотра* на воскресном собрании, что Каменев бесстыдно кричал: «ЦК провалился, ибо за неделю ничего не сделал» (опровергать я *не* мог, ибо сказать, *что именно сделано*, нельзя), а Зиновьев с невинным видом предлагал проваленную собранием резолюцию: «не выступать до совещания с большевиками, имеющими приехать 20-го на С'езд Советов».

Подумать только: после решения *центром* вопроса о стачке предлагать собранию низов отложить его и передать (к С'езду 20-го, а С'езд отложили потом... Зиновьевы верят либерданам), передать *такой* коллегии, которая устава партии не знает, которая над ЦК *не* властна, которая Питера *не* знает.

И после этого еще Зиновьев имеет наглость писать: «так едва ли укрепляют единство партии».

Извольте это назвать иначе, как угрозу расколом.

Я на такую угрозу отвечаю, что пойду до конца, добьюсь себе свободы слова перед рабочими и *во что бы то ни стало* буду клеймить штрейкбрехера Зиновьева, как штрейкбрехера. На угрозу раскола я от-

вечаю об'явлением войны до конца за исключение обоих штрейкбрехеров из партии.

Правление Профессионального Союза после *месячных* дебатов решило: стачка неизбежна и назрела, срок скроем от хозяев. После этого двое из правления идут в *низы* оспаривать решение и проваливаются. Тогда двое идут в печать перед капиталистами и выдают посредством кляузной лжи решение правления, срывая этим стачку на добрую половину или оттягивая ее до худшего времени, предупреждая неприятеля.

Вот полный состав штрейкбрехерства. И вот почему я требую исключения обоих штрейкбрехеров, сохраняя за собой право (в виду их угрозы расколом) *все* опубликовать, когда можно будет публиковать.

«Правда» от 1 ноября 1927 г.

ЦК обсуждает вопрос об исключении Каменева и Зиновьева из партии.

(2 ноября) 20 октября.

2 ноября (20 октября) состоялось заседание ЦК партии, на котором обсуждался вопрос об исключении Каменева и Зиновьева из партии. В интересах единства партии и в надежде, что товарищи исправят свою ошибку, ЦК постановил исключить тов. Каменева из ЦК (Зиновьев не был исключен, т. к. все равно он скрывался и не принимал участия в партработе), но оставить в партии.

Приводим протокол заседания ЦК:

Присутствовали: Троцкий, Сталин, Сокольников, Дзержинский, Урицкий, Иоффе, Свердлов, Милютин, позже тов. Колонтай.

Порядок дня:

1. Заявление Ленина.
2. Заявление военки.
3. Заявление Троцкого.

4. Комиссия безопасности.

5. Заявление по поводу ст[атьи] Ленина.

I. Заявление тов. Ленина.

Тов. Свердлов оглашает письмо тов. Ленина в ЦК.

Тов. Дзержинский предлагает потребовать от Каменева полного отстранения от политической деятельности, принимая во внимание, что Зиновьев и без того скрывается и в партийной работе участия не принимает. Тов. Сталин считает, что предложение тов. Ленина должно быть разрешено на пленуме и предлагает в данный момент не решать. Тов. Милютин присоединяется к мнению тов. Сталина, но доказывает, что вообще ничего особенного не произошло.

Тов. Урицкий сообщает о настроении в провинции; доказывает, что большинство делегатов в Москве высказалось против в[ооруженного] в[осстания]; по вопросу же о К[аменеве] и З[иновьеве] тоже требует передачи вопроса на рассмотрение пленума. Тов. Свердлов доказывает, что громадная разница между поступком Каменева и Ильича; считает, что поступок первого ничем не может быть оправдан; но ЦК не имеет права исключать из партии; считает, что вопрос должен быть разрешен сейчас, собрание достаточно авторитетно и должно дать ответ и на заявление Ленина и на заявление Каменева о выходе из ЦК. Отставка Каменева должна быть принята.

Тов. Троцкий об'ясняет свое заявление в Совете, раз'ясняет, что оно было вынуждено тов. Каменевым и считает, что создавшееся положение совершенно невыносимо и недопустимы письма в ЦО (Зиновьева и Луначарского), равно и заметка от редакции, опубликованные статьи; считает, что отставка Каменева должна быть принята.

Тов. Иоффе предлагает заявить о том, что Зиновьев и Каменев не являются членами ЦК, и принять резолю-

цию, что ни один член партии не может выступать против решений партии, в противном случае в партию вносится невозможный разврат.

Тов. Сталин считает, что К[аменев] и З[иновьев] подчинятся решениям ЦК, доказывает, что все наше положение противоречиво; считает, что исключение из партии не рецепт, нужно сохранить единство партии; предлагает обязать этих двух тт. подчиниться, но оставить их в ЦК.

Тов. Сокольников сообщает, что не принимал участия в заявлении от редакции по поводу писем Зиновьева и т. п., считает это заявление ошибочным.

Тов. Троцкий просит занести в протокол его заявление о том, при каких обстоятельствах он сделал свое заявление в Совете, т.-е., что он был вынужден на это заявление[м] Каменева о том, что он намерен огласить свою резолюцию.

Принимаются решения: вопрос о К[аменеве] и З[иновьеве] решить сейчас. Принять отставку Каменева. За — 5, против — 3.

Отложить решение до пленума — отвергается.

Вменяется в обязанность К[аменеву] и З[иновьеву] не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы. За — 6.

Предложение тов. Милютина, чтобы ни один член ЦК не имел права выступать против принятых решений ЦК — единогласно.

ОТДЕЛ IV.

Неверие Зиновьева, Каменева и др. в 1917 г. в возможность закрепления Октябрьской победы в России на основе диктатуры пролетариата.

Непосредственно. после перехода власти к Советам, меньшевики и эсеры пытались устроить ряд восстаний против них. В борьбе с Советской властью им помогал Викжель—Исполнит. Комитет союза железнодорожников. На словах Викжель требовал соглашения всех социалистических партий, на деле стоял за меньшевиков и эсеров. Каменев был представителем ЦК партии в переговорах с Викжелем, и уступал ему во многих принципиальных вопросах. На заседании 12 ноября (30 октября) он голосовал за следующую соглашательскую резолюцию:

«Совещание Всероссийского железно-дорожного союза с представителями враждующих сторон и организаций, стоящих на почве соглашения, категорически отвергая применение политического террора в гражданской войне между отдельными частями революционной демократии, заявляет, что применение такого террора в какой-либо форме одной из сторон против другой в данный момент противоречит самой сущности и цели переговоров, начатых по инициативе Всероссийского железно-дорожного союза, требует от обоих сторон отказа от всяких террористических мер и от исключительных судов».

Там же по вопросу о конструкции власти Каменев соглашался на участие во власти меньшевиков и эсеров, не особенно настаивал на том, чтоб председателем Совнаркома оставался Ленин и почти соглашался на предложение эсеров заменить его Авксентьевым или Черновым.

ЦК призывает Каменева к порядку.

14 (1) ноября на заседании ЦК партии Ленин заявил: «Политика Каменева должна быть прекращена». Тогда же 15 (2) ноября ЦК принял следующую резолюцию Ленина:

1) ЦК подтверждает, что, не изменяя лозунгу власти Советов Р., С. и Кр. депутатов, нельзя перейти к мелкому торгашеству за присоединение к советам организаций не-советского типа, т.-е. организаций не добровольного об'единения революционного авангарда, борющихся за свержение помещиков и капиталистов масс.

2) ЦК подтверждает, что уступки ультиматумам и угрозам меньшинства Советов равносильны полному отречению не только от Советской власти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать свое большинство, равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства.

3) ЦК подтверждает, что, не исключая никого со 2-го Всероссийского С'езда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти.

4) ЦК подтверждает, что в день образования теперешнего правительства, за несколько часов до этого образования, ЦК пригласил на свое заседание трех пред-

ставителей левых с.-р. и формально предложил им участие в правительстве. Отказ левых с.-р., хотя бы он был временным и условным, возлагает всецело и всемерно всю ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на этих левых с.-р.

5) ЦК напоминает, что составлялось, внесенное фракцией большевиков, постановление 2-го Всероссийского С'езда Советов, выражающее готовность пополнять Совет и солдатами из окопов и крестьянами с мест, из деревень,—что, следовательно, абсолютно ложны утверждения, будто большевистское правительство против коалиции с крестьянами. Напротив, ЦК заявляет, что земельный закон нашего правительства, целиком списанный с эсеровского наказа, доказал на деле полную и исдреннейшую готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством России.

6) ЦК подтверждает, наконец, что, вопреки всем трудностям, победа социализма и в России и в Европе обеспечивается только неуклоннейшим продолжением политики теперешнего правительства. ЦК выражает полную уверенность в победе этой социалистической революции и приглашает всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства.

«Правда».

Каменев и Зиновьев срывают решение ЦК

Твердая линия ЦК партии испугала левых эсеров. 15(2) ноября на заседании ВЦИК'а они пред'явили ультиматум: или большевики идут на соглашение с меньшевиками и эсерами, или они отказываются от сотрудничества с большевиками.

Этот ультиматум перепугал т.т. Каменева и Зиновьева. Огласив резолюцию ЦК партии (см. выше), т. Зиновьев прибавил, что эта резолюция фракцией большевиков еще не обсуждалась. По просьбе большевистской фракции был об'явлен перерыв на 1 час., чтоб фракция могла обсудить резолюцию ЦК партии. На заседании фракции т.т. Каменев и Зиновьев—члены ЦК партии—выступили против решения ЦК и добились ряда уступок левым эсерам и согласия на допущение к власти представителей меньшевиков и эсеров.

Тогда ленинское большинство ЦК обратилось к меньшинству со следующим ультиматумом:

Большинство ЦК Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), целиком одобряющее ту политику, которую проводил до настоящего момента Совет Народных Комиссаров, считает необходимым обратиться к меньшинству ЦК со следующим категорическим заявлением. Политика нашей партии для данного момента определена в резолюции, предложенной тов. Лениным и принятой вчера, 2-го ноября, ЦК. Эта резолюция об'являет изменой делу пролетариата всякую попытку навязать нашей партии уклонение от власти, раз Всероссийский С'езд Советов эту власть, именем миллионов рабочих, солдат и крестьян вручил представителям нашей партии на основе нашей программы. Эта основная линия нашей тактики, вытекающая из всей нашей борьбы против соглашательства Керенского, составляет сейчас революционную сущность большевизма, и основа одобряется ЦК,—является, безусловно, обязательной для всех членов партии и, в первую голову, для меньшинства ЦК.

Между тем, представители меньшинства как до вчерашнего заседания ЦК, так и после заседания, вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии, и деморализуют наши собствен-

ные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходимы величайшая твердость и неуклонность.

Так, вчера, в заседании ЦИК, большевистская фракция, при прямом участии членов ЦК, из состава меньшинства, открыто голосовала против постановления ЦК (по вопросу о численном и персональном представительстве нашей партии в составе Правительства). Такое неслыханное нарушение дисциплины, совершенное членами ЦК, за спиной ЦК, после многочисленных прений в ЦК, вызванных этими же самыми представителями оппозиции, делает для нас очевидным, что оппозиция намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции.

За такое положение дел мы не можем и не хотим нести ответственность.

Обращаясь к меньшинству ЦК с настоящим заявлением, мы требуем категорического ответа в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство подчиняться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции тов. Ленина.

В случае отрицательного или неопределенного ответа на этот вопрос, мы обратимся немедленно к ПК, МК, большевистской фракции ЦИК, к общегородской Петроградской конференции и чрезвычайному партийному С'езду с альтернативным предложением:

Либо партия должна поручить нынешней оппозиции сформировать новую власть с теми своими союзниками, во имя которых оппозиция саботирует сейчас нашу работу,—и тогда мы будем считать себя совер-

шенно свободными по отношению к этой новой власти, которая ничего, кроме колебаний, бессилия и хаоса внести не может.

Либо, в чем мы не сомневаемся, *партия одобрит единственно возможную революционную линию*, выраженную во вчерашнем решении ЦК,—и тогда партия должна решительно предложить представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей парийной организации. Иного исхода нет и быть не может. Разумеется, раскол был бы фактом крайне прискорбным. Но честный и открытый раскол сейчас лучше внутреннего саботажа, срывания своих собственных решений, дезорганизации и прострации. Мы, во всяком случае, ни на минуту не сомневаемся в том, что вынесение на суд массы наших разногласий (повторяющих в основном наши разногласия с группами «Новой Жизни» и Мартова) обеспечит нашей политике безусловную и самоотверженную поддержку революционных рабочих, солдат и крестьян, и в кратчайший срок обречет колеблющуюся оппозицию на изоляцию бессилия.

Н. Ленин, Л. Троцкий, И. Сталин, Я. Свердлов, М. Урицкий, Ф. Дзержинский, А. Иоффе, А. Бубнов, В. Сокольников, М. Муралов.

Заявление Каменева и других о выходе из ЦК партии.

Ответом на ультиматум большинства было следующее заявление Зиновьева, Каменева и др.

Заявление в ЦК большевиков.

«ЦК Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) 1 ноября принял резолюцию, на деле отвергающую соглашение с партиями, входящими в Совет Р. и С. Депутатов, для

образования социалистического Советского правительства.

Мы считаем, что только немедленное соглашение на указанных нами условиях дало бы возможность пролетариату и революционной армии закрепить завоевания Октябрьской Революции, укрепиться на новых позициях и собрать силы для дальнейшей борьбы за социализм.

Мы считаем, что создание такого правительства необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции калединцами, обеспечения созыва Учредительного Собрания в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой Всероссийским С'ездом С. Р. и С. Депутатов.

Неимоверными усилиями нам удалось добиться пересмотра решения ЦК и новой резолюции, которая могла бы стать основой создания Советского правительства.

Однако, это новое решение вызвало со стороны руководящей группы ЦК ряд действий, которые явно показывают, что она твердо решила не допустить образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство во что бы то ни стало и каких бы жертв рабочим и солдатам это ни стоило.

Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии.

Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение

массе рабочих и солдат и призвать их к поддержке наш клич: «Да здравствует правительство из советских партий! Немедленное соглашение на этом условии».

Мы уходим из ЦК в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим потому, что не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата.

Оставаясь в рядах пролетарской партии, мы надеемся, что пролетариат преодолеет все препятствия и признает, что наш шаг вынужден сознанием долга ответственности перед социалистическим пролетариатом.

(17) 4 ноября 1917 г.

Ю. Каменев, А. И. Рыков, В. Милютин, Г. Зиновьев, В. Ногин.

Новое заявление т. Каменева в ЦК.

Тов. Каменев и его единомышленники, кроме того, ответили на ультиматум ЦК следующим протестующим заявлением:

В Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков).

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что наши разногласия с ЦК мы не считаем нарушением устава партии, соблюдать который в смысле подчинения директивам партии мы считаем своим долгом. Но мы считаем одновременно совершенно недопустимым создание особого режима для отдельных членов партии, как в смысле трактования их в погромном стиле прокламации ЦК против нас, так и в смысле требования от нас каких-то особых подписок. Ваше же требование

«во всех выступлениях проводить политику ЦК», с которой мы в корне не согласны, представляет из себя неслыханное требование выступать против собственных убеждений. Отстранение же нас от всякой работы может быть произведено лишь специальным постановлением ЦК.

Рязанов, Каменев, Ларин.

7 ноября 1917 г.

Хотя нам указанный ультиматум не был пред'явлен, тем не менее, мы вполне разделяем выраженные в этом ответе положения и присоединяем наши подписи.

В. Милютин, Н. Дербышев.

Постановление ЦК против дезорганизаторского поведения Зиновьева и Каменева.

ЦК вновь призывает к порядку т.т. Зиновьева и Каменева за их дезорганизаторское поведение, предлагая дать подписку подчиниться решениям ЦК под угрозой исключения из партии.

Товарищам: Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину.

ЦК уже пред'явил однажды ультиматум виднейшим представителям вашей политики (Каменеву и Зиновьеву), требуя полного подчинения решениям ЦК и его линии, полного отказа от саботажа его работы и от дезорганизаторской деятельности.

Уходя из ЦК, но оставаясь в партии, представители вашей политики взяли на себя тем самым обязательство подчиняться постановлению ЦК. Между тем, вы, не ограничиваясь критикой внутри партии, вносите колебание в ряды борцов незаконченного еще восстания и продолжаете, нарушая партийную дисципли-

ну, срывать вне рамок нашей партии, в Советах, в муниципальных учреждениях, в профессиональных союзах и т. п., решения ЦК и тормозите его работу.

В виду этого ЦК вынужден повторить свой ультиматум и предложить вам либо немедленно в письменной форме дать обязательство подчиняться решениям ЦК и во всех ваших выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть все ответственные посты в рабочем движении, впредь до партийного с'езда.

Отказ дать одно из этих двух обязательств поставит ЦК перед необходимостью поставить вопрос о немедленном вашем исключении из партии.

Ответ т. Каменева.

В Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ков).

В письме вашем говорится о том, будто я «продолжаю нарушать партийную дисциплину, срывать *вне* рамок нашей партии, в советах, муниципальных учреждениях и т. д. решения ЦК». Довожу до вашего сведения, что *нигде вне партии я* не выступал против решения ЦК (а на заседаниях ЦИК голосовал согласно решениям большинства фракции). Прошу, поэтому, указать в чем именно увидали вы срывание решений ЦК *вне* рамок нашей партии.

Каменев.

Срывание решений ЦК действительно происходило, но не с моей стороны, а со стороны, например, Сокольникова, представившего П. Совету резолюцию о прекращении переговоров как раз тогда, когда ЦК про-

должал стоять на почве продолжения переговоров, проводил эту точку зрения в ЦИК и посылал тов. Свердлова для их ведения. Срывали решения ЦК и те, кто на собрании Петр. работников называл принятую резолюцию «калединской» и т. д. Надеюсь, что и от этих тов. ЦК затребовал об'яснений.

Каменев.

Письмо Ленина о дезертирстве Каменева и Зиновьева.

В ответ на заявление Зиновьева, Каменева и др. об уходе с ответственных постов ЦК партии обратился ко всем членам партии со следующим обращением, написанным тов. Лениным.

От Центрального Комитета Российской Социал-Демократической партии (большевиков)

ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России.

Товарищи!

Всем известно, что 2-й Всероссийский С'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов дал большинство делегатов из партии большевиков.

Этот факт является основным фактом для понижения только что состоявшейся и победившей как в Петрограде и в Москве ,так и во всей России революции. Именно этот факт постоянно забывают и обходят все сторонники капиталистов и бессознательные пособники их, подрывающие основное начало новой революции, именно: *вся власть Советам.* В России не должно быть иного правительства, кроме *Советского правительства.* В России завоевана Советская власть и переход правительства из рук одной Советской власти в руки другой партии обеспечен без всякой револю-

ции, простым решением Совегов, просто перевыбором депутатов в Советы.

2-й Всероссийский С'езд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой паргией, является, поэтому, Советским правительсгвом. И всем известно, что Центральный Комитет партии большевиков, за несколько часов до образования нового правительства и до предложения списка его членов 2-му Всероссийскому С'езду Советов, призвал на свое заседание трех виднейших членов группы левых эсэров, товарищей Камкова, Спиро и Карелина, *и предложил им* участвовать в новом правительсгве. Мы крайне сожалеем, что товарищи левые эсэры отказались, мы считаем их отказ недопустимым для революции и сторонника трудящихся, мы во всякое время готовы включить левых эсэров в состав правительства, но мы заявляем, что, как партия большинства на 2-м Всероссийском С'езде Советов, мы вправе *и обязаны* перед народом составить правительство.

Всем известно, что 2-му Всероссийскому С'езду Советов Центральный Комитет нашей партии предложил чисто-большевистский список народных комиссаров, и что *с'езд этот список чисто-большевистского правительства одобрил.*

Поэтому, абсолютно лживы, и только от врагов народа, только от врагов Советской власти исходят и могут исходить обманные заявления, будто большевистское правительство *не* есть Советское правительство. Напротив, *только* большевистское правительство может быть теперь, после 2-го Всероссийского С'езда Советов, впредь до созыва 3-го, или впредь до перевыбора Советов, или впредь до составления нового правительства

Центральным Исполнительным Комитетом, — *только* большевистское правительство может быть теперь признано *Советским* правительством.

* * *

Товарищи! Несколько членов ЦК нашей партии и Совета Народных Комиссаров, Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин и немногие другие, вышли вчера, 4-го ноября, из ЦК нашей партии и три последних—из Совета Народных Комиссаров. В такой большой партии, как наша, несмотря на пролетарски-революционный курс нашей политики, не могло не оказаться отдельных товарищей, недостаточно стойких и твердых в деле борьбы с врагами народа. Задачи, стоящие перед нашей партией, поистине неизмеримы, трудности огромны,—и несколько членов нашей партии, занимавшие раньше ответственные посты, дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из нашей среды. Вся буржуазия и все ее пособники ликуют по поводу этого, злорадствуют, кричат о развале, пророчат гибель большевистского правительства.

Товарищи! Не верьте этой лжи. Ушедшие товарищи поступили, как дезертиры, не только покинув вверенные им посты, но и сорвав прямо постановление ЦК нашей партии о том, чтобы обождать с уходом, хотя бы решений Петроградской и Московской партийных организаций. Мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, так же решительно осудят поступок дезертиров.

Но мы заявили, что ни на минуту, и ни на волос дезертирский поступок нескольких человек из верхуш-

ки нашей партии не поколеблет единства *масс*, идущих за нашей партией и, след., не поколеблет нашей партии.

Припомните, товарищи, что двое из дезертиров, Каменев и Зиновьев, уже перед восстанием в Петрограде выступили, как дезертиры и как штрейкбрехеры, ибо они не только голосовали на решающем собрании ЦК 10 октября 1917 г. против восстания, но и *после* состоявшегося решения ЦК выступали перед партийными работниками с агитацией против восстания. Все знают, что газеты, боящиеся встать на сторону рабочих и тянущие больше на сторону буржуазии (например, «Новая Жизнь»), подняли тогда вместе со всей буржуазной печатью шум и крик о «развале» нашей партии, о «провале восстания и т. д.». Но жизнь опровергла быстро ложь и клеветы одних, гонения, колебания и трусость других. «Буря», которую хотели поднять по поводу шагов Каменева и Зиновьева к срыву Петроградского восстания, оказалась *бурей в стакане воды*, и великий под'ем масс, великий героизм миллионов рабочих, солдат и крестьян в Питере и Москве, на фронте, в окопах и в деревнях, отодвинул дезертиров с такою же легкостью, с какою железнодорожный поезд отбрасывает щепки.

Пусть же устыдятся все маловеры, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам ее прямых и косвенных поборников. *Ни тени* колебаний в *массах* петроградских, московских и других рабочих и солдат *нет*. Наша партия стоит дружно и твердо, как один человек, на страже Советской власти, на страже интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян!

Нас обвиняют хоры буржуазных писак и людей, давших себя запугать буржуазии,—в том, что неуступчивы, что мы непримиримы, что мы не хотим разделить власти с другой партией. Это неправда, товарищи! *Мы предложили* и предлагаем левым эсэрам разделить с нами власть. Не наша вина, если *они отказались*. Мы начали переговоры и после того, как раз'ехался 2-й С'езд Советов, мы делали в этих переговорах всяческие уступки, вплоть до условного согласия допустить представителей от части Петроградской городской Думы, этого гнезда корниловцев, которые в первую очередь будут смещены народом, если негодяи—корниловцы, если сынки капиталистов и помещиков, юнкера, опять попробуют сопротивляться воле народа, как они попробовали в прошлое воскресенье в Петрограде и как они хотят поступить вновь (это доказано раскрытием заговора Пуришкевича и арестованными у него вчера, 3 ноября, бумагами). Но нашу уступчивость те господа, которые стоят за спиной левых эсэров и действуют через них в интересах буржуазии, истолковали, как нашу слабость, и использовали для пред'явления нам новых ультиматумов. На совещание 3 ноября явились господа Абрамович и Мартов и пред'явили ультиматум: никаких переговоров, пока наше правительство не прекратит арестов и закрытия буржуазных газет.

И наша партия, и ЦИК С'езда Советов *отказались* исполнить этот ультиматум, явно идущий от сторонников Каледина, буржуазии, Керенского и Корнилова. Заговор Пуришкевича и появление в Петрограде 5 ноября делегации от части 17 корпуса, грозящей нам походом на Питер (угроза смешная, ибо передо-

вые отряды этих корниловцев уже разбиты и под Гатчиной бежали, а большей частью отказались итти против Советов),—все эти события показали, от кого *на деле* исходил ультимагум господ Абрамовича и Мартова, кому эти люди *на деле* служили.

Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! Никогда не уступит наша партия ультиматумам меньшинства Советов, меньшинства, давшего себя запугать буржуазии и фактически, на деле вопреки своим «благим намерениям», выступающего, как кукла в руках корниловцев.

Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т.-е. власти *большинства*, получившегося на последнем С'езде Советов, мы были согласны и *остаемся согласны* разделять власть с меньшинством Советов, при условии лойяльного, честного большинства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, *одобренную всем* 2-м Всероссийским С'ездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму. Но никаким ультиматумам интеллигентских группок, за коими массы не стоят, за коими *на деле* стоят только корниловцы, савинковцы, юнкера и пр., мы не подчинимся.

Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! Наша партия, партия Советского большинства, стоит дружно и сплоченно на страже их интересов, и за нашей партией попрежнему стоят миллионы рабочих в городах, солдат в окопах, крестьян в деревнях, готовых осуществлять во что бы то ни стало победу мира и победу социализма! *).

---

*) Печатается по «Правде» (№ 182 от 20(7) ноября 1917 г.).

Отстранение Каменева от работы.

По постановлению ЦК Каменев был отстранен от руководящей работы.

Заседание Ц. К. (21) 8—XI.

1. О Каменеве, Рязанове и др.

С принципиальной мотивировкой (основной мотив несоответствие между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева) отстраняется от председательства в ЦИК т. Каменев *). О Рязанове и других вопрос откладывается.

Проведение резолюции во фракции поручается т.т. Троцкому, Сталину и Иоффе.

Примечание.

1. В протоколе ВЦИК от 21(8) ноября отставка т. Каменева изложена следующим образом:

«Тов. Каменев слагает с себя звание председателя ЦИК.

Фракция левых эс-эров высказывает свое сожаление.

Тов. Свердлов 19 против 14 избран председателем ЦИК».

Просьба Каменева и др. о возвращении в ЦК и отказ Ленина.

Заседание ЦК (12 декабря) 29 ноября.

Присутствовали: Бухарин, Оппоков (Ломов), Ленин, Троцкий, Урицкий, Муранов, Сталин, Свердлов, Стасова, под конец после 4-го пункта Дзержинский.

IV. Прочитывается заявление Рыкова, Каменева, Милютина и Ногина.

---

*) «Пролет. Рев.» № 11 за 1927 г.

Т. Урицкий находит, что мы не можем их принять обратно в ЦК, так как совершенно нет гарантии, что, оставшись вновь в меньшинстве, по какому-либо вопросу, они опять не выступят с такими же письмами и выступлениями, как только что.

Т. Ленин прочитывает набросок своего ответа на это обращение, в котором указывается, что из заявлений 4-х выступает полное расхождение их с нами, так как они считают, что ЦК пошел на уступки. Конкретно он предлагает потребовать от 4-ки письменного заявления *), куда они хотят передать свое письмо, т.-е. хотят ли они его поместить в печати. Мы по своему почину его в печать не помещаем, а им отвечаем письменно, что назад их не принимаем.

Т. Свердлов ставит вопрос, можем ли мы формально отказать им во вхождении вновь в ЦК.

Т. Урицкий заявляет, что о вхождении их может быть речь только в том случае, если они дадут нам формальные гарантии, что они вновь не поступят дезорганизаторски.

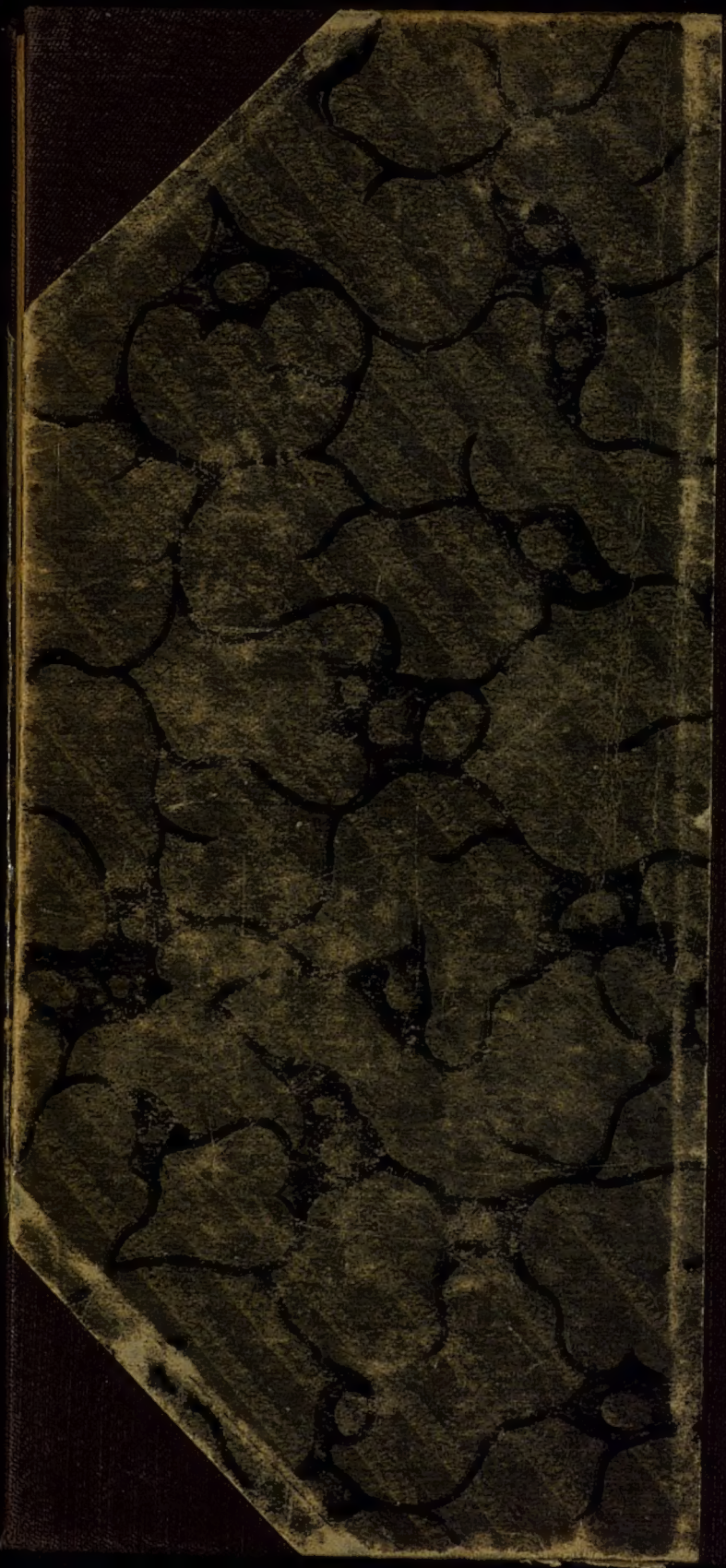
Решено принять ответ т. Ленина и сдать его для редактирования любой тройке из членов ЦК. Если они подают заявление о печатании их письма, то мы его печатаем, но одновременно с нашим ответом.

Примечание. Текст заявления не найден.

Архив Истпарта.

---

*) Зачеркнуто: «что они хотят напечатать свое заявление и тогда мы его напечатаем».

Библиотека
Института Ленина
при

45 коп.